
Аксель Панцер
ПОД ЧЁРНЫМ КРЕСТОМ
Том четвёртый
Книга четвёртая
ПОСЛЕДНЯЯ ПРИСЯГА
Часть первая
ТРЕЩИНЫ В КАМНЕ
1411–1440

Аксель Панцер

Под чёрным крестом. Том 4. Книга 4. Часть 1. Последняя присяга. Трещина в камне

«Автор»
2026

Панцер А.

Под чёрным крестом. Том 4. Книга 4. Часть 1. Последняя присяга. Трещина в камне / А. Панцер — «Автор», 2026

Грюнвальдская битва проиграна. Но для Тевтонского ордена самое страшное начинается после поражения.Мариенбург устоял, однако крепостные стены не защитят государство от долгов, интриг и борьбы за власть. Генрих фон Плауэн спас Орден от гибели — и теперь вынужден сражаться с теми, ради кого совершил невозможное. Его преемникам достанутся пустая казна, разорённые земли и мирные договоры, за которыми таится угроза новой войны.Пока Польша и Литва перекраивают карту Европы, прусские города и сословия всё решительнее требуют права распоряжаться своей судьбой. Противостояние выходит за пределы полей сражений — в залы советов, замковые коридоры и дома простых людей.«Последняя присяга» — продолжение исторической эпопеи «Под чёрным крестом» о времени, когда Орден начинает терять не только земли, но и власть над собственной страной.

© Панцер А., 2026
© Автор, 2026

Аксель Панцер
Под чёрным крестом. Том 4. Книга 4. Часть 1. Последняя присяга. Трещина в камне

АКСЕЛЬ ПАНЦЕР
ПОД ЧЁРНЫМ
КРЕСТОМ
ТОМ ЧЕТВЁРТЫЙ
КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ
ПОСЛЕДНЯЯ ПРИСЯГА
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ТРЕЩИНЫ В КАМНЕ
1411–1440
СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. После победы 1
Часть первая. Трещины в камне 22
Глава 1. Наследство поражения 22
Глава 2. Цена спасения 51
Глава 3. Магистр, который не хотел мира 73
Глава 4. Против своих 101
Глава 5. Низложение 136
Глава 6. Михаэль Кюхмайстер 164
Глава 7. Голодная война 194
Глава 8. Дело перед собором 225
Глава 9. Узник Бранденбурга 253
Глава 10. Пауль фон Русдорф 276
Глава 11. Голуб 299
Глава 12. Мельнский мир 325
Глава 13. Деньги и повиновение 351
Глава 14. Последняя воля Витовта 380
Глава 15. Война без рыцарской славы 407
Глава 16. Другая Пруссия 445

ПРОЛОГ
ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Мариенбург. Весна 1411 года.

В первый тёплый день над Ногатом поднялся туман, и Мариенбург на некоторое время лишился своих нижних стен. Из окон верхнего замка были видны только башни, крутые черепичные крыши и шпили, выступавшие из белёсой пелены. Казалось, огромная крепость стоит не на земле, а на облаке, и всё, что происходило внизу, не имеет к ней отношения.

Генрих фон Плауэн задержался у окна дольше обычного. Он наблюдал, как туман постепенно отступает от берега, обнажая причалы, сложенные штабелями брёвна, несколько лодок, привязанных к кольям, и людей, разгружавших мешки с зерном. На противоположной стороне реки уже зеленели поля. Возле деревни, крыши которой едва различались за деревьями, крестьяне выводили лошадей на весеннюю пахоту.

Жизнь возвращалась.

Этого он добивался всю осень и зиму. Теперь, когда поля снова требовали работы, а дороги освобождались от грязи, мир должен был наконец принести облегчение. Но каждое утро

на столе великого магистра появлялись новые письма, и почти все они начинались словами о нехватке денег.

Он отошёл от окна и взял первый лист.

Из Эльбинга сообщали о затруднениях с торговлей. Из Торна просили пересмотреть повинности. Один из комтуров жаловался, что не может содержать гарнизон в прежнем составе. Другой требовал лошадей взамен погибших. Несколько деревень просили отсрочить сборы до урожая, потому что прошлым летом их поля были вытоптаны войсками. Казначей прислал очередную ведомость о платежах, предусмотренных мирными соглашениями.

Генрих отложил письма и снова посмотрел на реку.

Мариенбург стоял. Он сумел сохранить его, когда после Грюнвальда почти никто уже не верил в возможность удержать столицу. Теперь перед ним лежали требования, которые нельзя было отразить со стены и против которых не помогали ни арбалеты, ни толщина кирпичной кладки.

В дверь постучали.

Вошёл Герхард с двумя писарями. Один нёс кожаную папку, другой — небольшой деревянный ларец с печатями и несколькими свёрнутыми грамотами. За последние месяцы Герхард заметно постарел. Прежде он двигался быстро, почти бесшумно, никогда не заставляя собеседника ждать нужной бумаги. Теперь временами останавливался перед ступенькой, словно заранее рассчитывал, сколько усилий потребуется, чтобы её преодолеть. Однако память осталась прежней. Он мог назвать размер недоимки в любом крупном комтурстве и почти всегда помнил, когда именно последний раз поступало соответствующее донесение.

— Господин великий магистр, казначей просит подтвердить распоряжение о сборе серебра.

— Какого именно?

Герхард положил папку на стол и раскрыл её. Генрих увидел несколько отдельных ведомостей.

— Для ближайших платежей. Это расчёт по тем поступлениям, которые уже обещаны, и по тем, на которые мы ещё рассчитываем.

Великий магистр сел.

— Показывай.

Герхард провёл черту под итоговой суммой. На бумаге всё выглядело последовательно: ожидаемые доходы, остатки в казне, поступления от городов, сборы с земель, суммы, которые требовалось выплатить в установленные сроки. Но между двумя колонками оставался значительный разрыв.

Генрих спросил, учтены ли деньги, которые ещё должны были поступить из западных владений Ордена.

— Учтены как ожидаемые, — ответил Герхард. — Но не как полученные.

— Почему?

— Потому что их ещё нет.

Плауэн поднял голову. Другой человек мог бы счесть подобный ответ проявлением упрямства. Он давно привык к манере Герхарда различать деньги, существующие в обещаниях, и деньги, которыми действительно можно распорядиться.

— Сколько времени потребуется, чтобы собрать недостающее?

— Если города выполнят обязательства, а сборы с земель поступят без задержки, мы успеем. Если возникнут новые возражения, придётся искать заём.

— У кого?

Герхард перечислил несколько возможных источников, потом замолчал.

— Ты не назвал Данциг.

— Намеренно.

Генрих откинулся на спинку кресла.

— Город богат.

— Город считает себя разорённым.

— Это не одно и то же.

— Для его советников разница невелика. Они говорят о сожжённых товарах, потерянных судах, остановившейся торговле и требованиях Ордена. Некоторые из этих убытков вполне действительны.

— Некоторые?

— Остальные нам ещё предстоит проверить.

Плауэн подвинул ведомость ближе. Он знал, что Герхард не любит преувеличений, особенно когда речь идёт о городских жалобах. Если тот признавал потери существенными, значит, дело было серьёзным.

— Тогда пригласим представителей городов. И рыцарство тоже. Пусть услышат, сколько нужно заплатить.

— Они захотят узнать, почему должны платить именно столько.

— Объясним.

— И потребуют чего-нибудь взамен.

Генрих закрыл папку.

— Значит, выслушаем их требования.

Герхард не ответил. Он смотрел на великого магистра с выражением, которое Плауэн уже научился понимать. Старый служащий хотел сказать больше, но не был уверен, что сейчас для этого подходящее время.

— Говори.

— Они будут обсуждать не только величину сбора. Города спросят, кто имеет право решать, как расходуются их деньги. Землевладельцы напомнят о жалобах на комтуров. Возможно, потребуют подтвердить прежние права. Если мы согласимся выслушать всё сразу, разговор окажется длинным.

— Пусть будет длинным. Нам нужны деньги, а им нужно знать, ради чего их собирают.

— Тогда придётся отвечать и на неудобные вопросы.

— Разве у нас есть удобные?

Герхард едва заметно склонил голову. Плауэн вернулся к письмам.

Он ещё не решил, какие уступки допустимы, а какие опасны. Но одно уже понимал: нельзя собрать необходимое серебро одними приказами, если те, кому предстоит платить, считают себя вправе возражать. Во время осады он заставлял людей сносить дома, разбирать крыши, переносить запасы и стоять на стенах. Тогда приказ принимали потому, что за стенами находился враг. Теперь польская армия ушла, а подданные снова различали собственные интересы и интересы Ордена.

Он велел назначить совещание. Герхард собрал бумаги и вышел, оставив одну ведомость на столе. Генрих долго смотрел на неё. Потом взял чистый лист и начал писать распоряжения.

К полудню он подписал семь документов, каждый из которых требовал от кого-то денег, людей или материалов. Ни один не обещал ничего взамен. Он заметил это только после того, как отложил перо.

В Данциге Хеннинг Брант получил письмо из Мариенбурга в тот день, когда рабочие закончили перекрывать крышу его нового склада.

Письмо привёз человек городского совета. Оно лежало среди нескольких других извещений, и Хеннинг сначала не обратил на него внимания. Его занимали поставки железа, задержавшиеся на неделю, и спор с плотником, который требовал дополнительную плату за исправление неверно поставленной балки.

Вскрыв печать, он прочитал письмо стоя.

Потом сел.

Совет собирал сведения о купеческих убытках и возможных дополнительных платежах в пользу Ордена. Требовалось указать стоимость имущества, потерянного во время войны, размер действующих долгов, количество судов и товара, которыми купец мог распоряжаться.

Хеннинг перечитал последнюю часть. Ему не понравилось, что людей интересовало не только потерянное, но и оставшееся.

За столом сидел его помощник, молодой человек по имени Маттиас, сын покойного городского ремесленника. Он работал у Хеннинга третий год и уже успел обнаружить, что купец способен спорить из-за ничтожной суммы, а потом без лишних слов заплатить за лечение больного грузчика.

— Что-то случилось? — спросил Маттиас.

— Орден хочет знать, сколько у меня денег.

— Разве не знает?

Хеннинг усмехнулся.

— Если бы знал, не спрашивал бы.

Он передал письмо помощнику и подошёл к окну. Со двора доносился стук молотков. Рабочие укрепляли ворота склада. За ними, у пристани, стояли два небольших торговых судна. Одно принадлежало Хеннингу лишь наполовину. За другое он ещё не выплатил долг.

До войны таких судов у него было четыре. Он старался не вспоминать об этом слишком часто.

— Нужно отвечать? — спросил Маттиас.

— Нужно считать.

— Всё?

— Всё, что можно доказать.

Маттиас осторожно положил письмо.

— А что нельзя?

— Тоже считать. Для себя.

Они начали разбирать счета.

Бумаги сохранились не полностью. Часть исчезла в Мариенбурге вместе со складом. Некоторые записи приходилось восстанавливать по письмам партнёров. Хеннинг помнил больше, чем казалось возможным, но несколько раз останавливался и сердито отбрасывал лист, обнаружив противоречие между прежним расчётом и новым.

К вечеру они получили приблизительный итог. Маттиас долго смотрел на цифру.

— Значит, мы должны больше, чем имеем?

— Пока — да.

— Тогда почему строим склад?

Хеннинг поднял глаза.

— А где будем хранить товар, когда снова начнём торговать?

— Но если денег не хватит…

— Если денег не хватит, придётся занимать. Если перестанем торговать, занимать будет незачем.

Маттиас задумался. Ему не нравилась уверенность хозяина, будто хозяйство можно восстановить одним упрямством. Но рабочие за окном продолжали стучать, суда стояли у причала, а внизу уже готовили место для новой партии зерна. Всё это существовало только потому, что Хеннинг отказался считать потерю прежнего склада концом своего дела.

Утром купец отправился на собрание.

В зале городского совета было людно. Одни пришли обсуждать торговые ограничения, другие — налоги, третьи — поведение орденских служащих во время войны. Некоторые ещё не

вернули имущество, отданное на нужды гарнизонов. Другие жаловались, что торговые дороги открыты не полностью, а пошлины требуют так, словно никакой войны не было.

Хеннинг слушал почти час.

Потом встал.

— Мы можем спорить о каждом сборе отдельно, — сказал он, когда председательствующий предоставил ему слово. — Но рано или поздно великий магистр спросит, дадим ли мы деньги. И нам придётся отвечать.

— Не дадим, — отозвался кто-то.

— Хороший ответ, если деньги не нужны тому, кто держит наши дороги и замки.

Несколько человек недовольно заговорили. Хеннинг продолжил:

— Я не предлагаю платить без условий. Но Ордену нужны деньги, а нам — порядок, при котором мы сможем их заработать. Пусть объяснят, сколько собирают, на какой срок и кто отвечает за расходы. И пусть перестанут относиться к городам как к амбарам, из которых можно выносить мешки, не спрашивая хозяина.

На этот раз возражений было меньше. Один советник спросил:

— Ты предлагаешь торговаться с великим магистром?

— А что мы делаем сейчас?

Вопрос вызвал недовольный смех.

Хеннинг сел.

Он не считал себя противником Ордена. Его отец торговал при орденских властях. Он сам пользовался дорогами, мостами и охраной, которую обеспечивали комтуры. В Мариенбурге оставался Герхард, человек, которому Хеннинг доверял больше многих собственных родственников.

Но доверие к человеку не означало согласия отдать деньги без объяснений. И впервые Хеннинг заметил, что в зале почти никто не считал подобное требование дерзостью.

В одном из селений Кульмской земли крестьянин Миколай Краузе пытался вернуть к работе лошадь, которая пережила войну, но повредила ногу на зимней дороге.

Животное стояло на трёх ногах и осторожно касалось земли четвёртой. Миколай провёл ладонью вдоль сухожилия. Припухлость уменьшилась. Лошадь не отдёрнула ногу, когда он надавил возле копыта. Это было хорошо. Плохо было то, что второго коня у него не осталось.

До войны хозяйство имело пару. Один погиб осенью, когда несколько вооружённых людей забрали животных для подвоза припасов. Миколай не знал, чьи именно это были люди. Они говорили по-немецки, но один из них произнёс несколько польских слов. Когда в селе появились орденские служащие, Миколай рассказал о случившемся. Ему ответили, что без свидетелей и письменного приказа невозможно установить, кто произвёл реквизицию.

С тех пор он ничего не требовал. Жена вышла из дома и остановилась возле ограды.

— Опять её мучаешь?

— Проверяю.

— Вчера проверял.

— Вчера она хуже стояла.

Жена посмотрела на ногу лошади.

— Если завтра сможешь выйти в поле, нужно попросить Фридриха помочь с плугом.

— Попрошу.

Он говорил неохотно. Сосед уже дважды помогал ему в течение зимы. В третий раз придётся чем-нибудь отплатить. Денег почти не осталось, значит, зерном или работой. Всё это можно было вынести, если урожай окажется хорошим. Из деревни показался всадник.

Миколай узнал орденского служащего по одежде ещё до того, как тот подъехал. Рядом ехал молодой писарь с сумкой для документов. Миколай вытер руки о рубаху. Служащий поздоровался и попросил назвать старосту.

— Он у мельницы.

— Тогда передай, чтобы вечером собрал хозяев дворов.

— Зачем?

— Будут объявлены новые распоряжения о сборе.

Миколай некоторое время смотрел на всадника.

— Каком сборе?

— Узнаете вечером.

— Прошлый ещё не закончили.

Служащий поправил повод.

— Этот связан с выплатами после войны.

— После какой?

Человек нахмурился.

— Ты прекрасно знаешь.

— Я знаю, что войска ушли. Война, говорят, кончилась. А платить мы должны снова.

Молодой писарь опустил глаза к сумке. Служащий ответил без раздражения:

— Всё будет объяснено на сходе.

Он развернул коня. Миколай проводил их взглядом, потом вернулся к лошади. Жена стояла у ограды.

— Что?

— Снова сбор.

Она молчала. Миколай взял ведро с водой и поставил перед животным. Лошадь начала пить.

— Может, подождут до урожая, — сказала жена.

— Может.

Он не любил это слово. Слишком многое в хозяйстве теперь зависело от того, чего никто не обещал.

Вечером хозяева собрались в доме старосты. Там было тесно и душно. Мужчины стояли у стен, женщины оставались возле двери, несколько подростков заглядывали в окна. Орденский служащий прочитал распоряжение, а затем объяснил, какую сумму должна внести деревня и к какому сроку.

Миколай слушал, сжимая шапку.

Когда чтение закончилось, староста спросил, можно ли заменить часть платежа зерном. Служащий ответил, что такие вопросы должны рассматриваться отдельно и решение зависит от распоряжений комтурства. Тогда заговорили все.

У одного погиб сын, который помогал обрабатывать землю. Другой лишился двух коров. Третий рассказывал о сгоревшем амбаре. Четвёртый утверждал, что его семья уже отдала больше, чем указано в прежних книгах. Писарь пытался записывать жалобы. Не успевал.

Наконец староста поднял руку, требуя тишины.

— Мы не говорим, что не будем платить, — произнёс он. — Мы спрашиваем, из чего.

Этот вопрос заставил служащего замолчать.

Он смотрел на людей, стоявших перед ним. Большинство пришли в рабочей одежде, с потрескавшимися руками и лицами, на которых зима оставила следы. Их нельзя было просто объявить упрямыми должниками. Но распоряжение оставалось действующим, а срок не зависел от того, сколько лошадей пережило войну.

— Я передам ваши просьбы комтуру, — сказал он.

Миколай хотел спросить, что произойдёт, если просьбы отклонят. Не спросил. Он уже знал, как мало меняется от ответа, которого человек боится услышать.

На следующий день лошадь всё-таки вышла в поле. Она хромала меньше.

Миколай пошёл за плугом, стараясь не заставлять её тянуть слишком тяжело. Земля была влажной, хорошо поддавалась железу. Если вовремя закончить пахоту и весна останется тёплой, хлеб может вырасти неплохой. Он работал до вечера. Усталость помогала не думать о сроке платежа.

Представители городов и прусского рыцарства прибыли к назначенному совещанию не одновременно.

Одни приехали с внушительным сопровождением, другие — с двумя слугами. В одежде различались богатство и положение, но ещё заметнее различалась уверенность, с которой люди входили в зал. Некоторых Плауэн знал лично. Других видел впервые.

Герхард разложил бумаги и подготовил место для писарей.

Великий магистр вошёл без торжественной процессии. На нём был белый плащ с чёрным крестом. По лицу трудно было определить, доволен ли он тем, что собрал столь представительное общество. Он начал с объяснения положения.

Мир заключён. Государство сохранено. Однако денежные обязательства тяжёлые, многие гарнизоны нуждаются в содержании, восстановление замков и дорог требует средств. Казна Ордена не располагает всем необходимым. Поэтому великий магистр просит сословия принять участие в чрезвычайных расходах.

Слово «просит» прозвучало необычно. Герхард заметил, как несколько городских представителей переглянулись. Первым заговорил один из прусских рыцарей.

Он не отрицал необходимости помощи. Но хотел знать, почему прежние налоги и повинности оказались недостаточными, и почему теперь землевладельцы должны брать на себя обязательства, размеры которых заранее невозможно проверить. Плауэн ответил расчётами.

Следующий представитель спросил о действиях отдельных комтуров. Вспоминались реквизиции, торговые ограничения, судебные жалобы. Затем поднялся данцигский посол и потребовал ясных гарантий, что новые сборы не станут постоянными. Разговор постепенно уходил от денежной суммы.

Герхард предвидел это.

Он сидел за столом писарей и записывал требования. Теперь их было гораздо больше, чем предполагал великий магистр, назначая совещание. Одни касались денег. Другие — торговли, суда, местного управления и прав городских советов.

Плауэн выслушивал.

Не всегда терпеливо. Когда один из представителей начал долго рассказывать о давнем споре с комтуром, великий магистр остановил его:

— Мы собрались решать, как выполнить условия мира.

— Именно поэтому я и говорю об этом, — ответил представитель. — Если мы должны дать государству деньги, то хотим быть уверены, что его служащие не отнимут у нас оставшееся без суда.

В зале стало тихо. Плауэн некоторое время смотрел на говорившего. Затем спросил его имя и велел передать документы по делу. Ответ не означал согласия. Но и отказом не был. Герхард записал распоряжение.

К концу заседания обнаружилось, что договориться о конкретном платеже можно лишь вместе с обсуждением нескольких условий. Представители сословий соглашались помогать Ордену, но хотели получить подтверждение своих прав и возможность следить за тем, как исполняются принятые обязательства.

Плауэн понимал их доводы. В то же время сама необходимость такого разговора тяготила его сильнее, чем он ожидал.

Во время осады он распоряжался жизнью людей, продовольствием и оружием, не спрашивая согласия городских советов. Теперь ему приходилось обосновывать каждый дополнительный сбор перед людьми, которые ещё недавно были обязаны исполнять его приказы.

После заседания он позвал Герхарда.

— Ты был прав.

— В чём именно?

— Они хотят не только знать, сколько платить.

Герхард прикрыл дверь.

— Да.

— Они хотят решать.

— В некоторых делах.

— Сегодня в некоторых. Завтра потребуют больше.

Герхард не стал отрицать очевидного.

— Возможно. Но если мы получим необходимые деньги, они тоже должны понимать, что их интересы учтены.

Плауэн подошёл к окну.

Внизу городские представители собирались у конюшенного двора. Кто-то уже седлал лошадь, кто-то продолжал разговор. Несколько человек стояли небольшой группой, явно обсуждая состоявшееся заседание.

— Пока под Мариенбургом стоял Ягайло, никто не спрашивал, кто имеет право отдавать приказ, — сказал великий магистр.

— Тогда все знали, что будет, если замок падёт.

— Теперь забыли?

— Нет. Теперь они знают, что замок устоял.

Плауэн обернулся.

Герхард продолжил осторожнее:

— И потому думают не только о том, как сохранить жизнь, но и о том, как жить дальше.

Великий магистр вернулся к столу.

— Значит, придётся убеждать.

— Иногда.

— А если не убедим?

— Придётся искать другой способ.

Генрих взял список требований.

Он не собирался отдавать управление государством городам. Не собирался позволять каждому совету самостоятельно решать, выполнять ли орденские распоряжения. Но и отказаться от их помощи не мог.

Больше всего его раздражало отсутствие ясной границы между необходимой уступкой и опасной слабостью.

В сражении граница понятна: пока удерживаешь строй, можно продолжать бой. Здесь же каждое соглашение одновременно приносило деньги и создавало новое обязательство. Он велел подготовить ответы.

Поздно вечером Герхард возвращался через внутренний двор, когда заметил у ворот знакомую фигуру.

Хеннинг Брант стоял возле телеги и разговаривал с возчиком. На нём был дорожный плащ, сапоги покрывала засохшая грязь. Купец заметил Герхарда и поднял руку.

— Живой.

— Как видишь.

Они подошли друг к другу.

Хеннинг выглядел усталым, но держался бодро. В Мариенбург он приехал по торговым делам и надеялся вернуться в Данциг через несколько дней.

— Ну как ваш великий магистр? — спросил он.

Герхард нахмурился.

— Наш?

— Твой, мой. Всё равно кому-то из нас придётся платить.

Они пошли через двор.

Хеннинг рассказывал о новом складе, задержке судов, нехватке добрых лошадей и споре с городским советом. Герхард слушал. Он давно заметил, что купец чаще всего начинает с жалоб, а заканчивает делом, которое уже решил.

— Ты приехал из-за сбора? — спросил он.

— Отчасти.

— А другая часть?

— Железо. Ордену снова нужно железо.

— Для ремонта.

— Для всего. Только платить хотят позже.

Герхард усмехнулся.

— Я вижу, дела у тебя действительно наладились.

Они остановились возле стены, где ещё оставались следы прошлогодних повреждений. Часть кладки уже восстановили. Свежий кирпич отличался цветом от старого, и ровная полоса ремонта была заметна даже в вечернем свете. Хеннинг провёл по ней рукой.

— Когда здесь стояли поляки, я думал, что больше никогда не увижу этот двор.

— Я тоже.

— Потом Плауэн удержал замок. Мы радовались. И правильно делали.

— Правильно.

Купец обернулся.

— Только тогда никто не спрашивал, сколько это будет стоить после.

Герхард промолчал.

Хеннинг продолжил:

— Я не жалею, что помогал обороне. Но теперь от меня требуют деньги, чтобы рассчитаться за то, что уже произошло. А мне нужно заплатить плотникам за склад. И купить железо. И вернуть долг за корабль. Если отдам всё Ордену, в следующем году ему нечего будет с меня взять.

— Ты говоришь, как городской советник.

— Потому что советники иногда бывают правы.

Герхард улыбнулся.

Они ещё немного постояли, наблюдая, как в башне загорается огонь.

— Знаешь, что меня беспокоит? — спросил старый служащий.

— Деньги?

— Не только.

— Тогда положение действительно тяжёлое.

Герхард не отозвался на шутку.

— Раньше, когда мы требовали от городов людей или товар, спорили о размере. Теперь спорят о праве требовать.

Хеннинг внимательно посмотрел на него.

— А разве это плохой вопрос?

— Для купца — хороший.

— А для государства?

Герхард некоторое время молчал.

— Для государства, которое привыкло распоряжаться, — трудный.

Хеннинг кивнул.

Он не стал спорить.

Ночью Плауэн долго не ложился.

На столе лежали требования сословий и расчёты казначея. Некоторые предложения он уже одобрил. Другие отложил. От нескольких намеревался отказаться.

В углу комнаты стоял походный сундук, с которым он приехал из Свеце после Грюнвальда. Слуги давно предлагали убрать его. Генрих не разрешал, хотя сам не мог объяснить зачем.

Сундук был невелик. На крышке остались царапины от дороги, один из металлических уголков погнулся. В нём хранились старые дорожные вещи, несколько писем и запасной плащ. Ничего, что требовалось бы великому магистру ежедневно. Генрих подошёл к нему и поднял крышку.

Сверху лежала сложенная ткань. Белая, с чёрным крестом. Плащ, который он носил ещё комтуром Свеце.

Он провёл пальцами по грубому сукну и вспомнил последние дни после известия о разгроме. Тогда никто не требовал у него объяснений, почему он направляется в Мариенбург. Люди видели, что он едет защищать столицу, и следовали за ним. Все решения были тяжёлыми, но цель оставалась ясной.

Теперь цель по-прежнему казалась ему ясной: сохранить государство и вернуть Ордену силу. Однако разные люди понимали сохранение государства по-разному. Для одних оно означало власть великого магистра. Для других — защищённые торговые дороги.

Для третьих — возможность обрабатывать землю, не опасаясь нового разорения.

Для некоторых орденских братьев главной задачей оставалось возвращение утраченных прав и земель. Для горожан — восстановление торговли. Для крестьян — весенний сев и хлеб до следующей зимы. Каждый считал свою нужду первой. Генрих закрыл сундук и вернулся к столу.

Он взял письмо одного комтура. Тот сообщал, что население нескольких деревень просит уменьшить повинности после прошлогоднего разорения. Комтур предлагал отказать: иначе другие деревни начнут просить того же. Плауэн прочитал письмо ещё раз.

Потом взял перо и написал на полях:

«Выяснить действительные потери. Без проверки дополнительных сборов не производить».

Он отложил письмо и взял следующее.

В нём говорилось, что наёмный отряд требует невыплаченного жалованья и угрожает покинуть службу. Сумма была значительной, но люди оставались необходимы для обороны замков.

Генрих приказал казначею подготовить частичный платёж и выяснить, можно ли договориться об отсрочке остального. На третьем письме он задержался дольше.

Городской совет просил подтвердить право самостоятельно рассматривать определённые торговые споры. Прежде подобные дела нередко попадали в руки орденских служащих. Великий магистр знал, что уступка вызовет недовольство некоторых братьев. Но отказ осложнит переговоры о деньгах.

Он положил письмо рядом с требованиями сословий.

Утром потребуется решить. За окном прозвучал колокол.

Генрих поднялся и подошёл к узкому оконному проёму. Ночь была ясной. Над рекой не осталось утреннего тумана. Внизу виднелись огни города, который ещё недавно приходилось готовить к уничтожению ради защиты замка. Теперь в нём снова торговали, чинили крыши, открывали мастерские и спорили о налогах.

Плауэн считал это своей победой. Но люди, вернувшиеся к обычной жизни, больше не хотели жить так, словно осада продолжается. Он некоторое время наблюдал за огнями, затем вернулся к столу. Писать предстояло ещё много.

Утром Миколай Краузе вывел лошадь в поле раньше рассвета.

За ночь земля немного подсохла. Пахать стало легче. К полудню он рассчитывал закончить дальнюю полосу, а на следующий день попросить соседа помочь с оставшейся. Из деревни пришёл мальчик старосты.

— Отец сказал передать: от комтура прислали новое распоряжение.

Миколай остановился.

— Какое?

— Пока не брать дополнительный сбор. Сначала проверят, что у кого пропало во время войны.

Миколай не сразу понял.

— Совсем не брать?

— Пока.

Мальчик произнёс это слово весело. Для него оно означало, что староста не станет сегодня собирать хозяев, а самому ему можно вернуться к своим делам. Миколай некоторое время стоял возле плуга. Потом сказал:

— Передай отцу, что вечером приду.

Мальчик убежал.

Крестьянин посмотрел на борозду. Решение, о котором ему сообщили, не возвращало погибшую лошадь и не наполняло амбар. Оно не гарантировало, что через месяц не придёт новый приказ.

Но сегодня он мог продолжать пахоту, не думая о том, что до окончания сева придётся продать последнее животное. Он взялся за рукояти плуга.

Лошадь потянула.

Железо вошло в землю.

В Мариенбурге Герхард в то же утро готовил очередную сводную ведомость. В ней было два столбца: суммы, которые Орден должен получить, и суммы, которые должен выплатить. Ни один не сходился с другим.

Он перепроверил сложение, нашёл ошибку молодого писаря, исправил её и обнаружил, что положение почти не улучшилось. В дверь вошёл посыльный с письмом из Торна. Герхард вскрыл его, прочитал и положил рядом с остальными.

Город соглашался обсуждать чрезвычайный сбор, но просил подтвердить некоторые права и предварительно установить порядок рассмотрения жалоб. Молодой писарь спросил:

— Опять условия?

— Да.

— Великий магистр согласится?

— На что-нибудь.

— А если города будут требовать всё больше?

Герхард задумался.

Перед ним лежали книги, которые вели ещё при Книпроде. В них можно было увидеть, сколько зерна приходило из комтурств, какие доходы приносили мельницы, сколько денег давали таможни и городские пошлины. Тогда он почти не задумывался о том, каким трудом добывается каждая записанная сумма. Для него она была частью порядка.

Теперь за цифрами постоянно появлялись люди. Купцы с обгоревшими складами. Крестьяне без лошадей. Горожане, потерявшие сыновей на войне. Наёмники, которым не заплатили. Орденские братья, возвращавшиеся из плена. Каждый считал, что имеет право требовать.

И почти каждый мог объяснить почему.

— Если города будут требовать слишком много, — ответил Герхард, — великий магистр откажет.

— А если после этого они не дадут денег?

Старый служащий закрыл книгу.

— Тогда придётся снова собирать их и разговаривать.

Молодой писарь нахмурился.

— Получается, они теперь могут спорить с Орденом?

Герхард посмотрел на него.

— Они уже спорят.

За стенами Мариенбурга начинался обычный рабочий день. В кузнице били молотом. С причала доносились голоса грузчиков. На кухне звенела посуда. Где-то во дворе ругали конюха, забывшего вовремя вывести лошадей. Государство продолжало жить.

Герхард взял чистый лист и начал составлять ответ Торну. На этот раз он писал не приказ. Он писал предложение о встрече.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ТРЕЩИНЫ В КАМНЕ
Глава 1. Наследство поражения

Мариенбург. Весна 1411 года.

Человека, возвращавшегося из плена, прежде всего выдавали сапоги.

Не лицо, не худоба и даже не одежда, которую нередко приходилось менять на чужую. Сапоги были стоптаны так, что подошва почти не защищала ступню, кожа трескалась на сгибах, а голенища, когда-то плотно облегавшие ноги, теперь болтались. Вернувшиеся шли осторожно, словно всё ещё ожидали окрика конвоира, и долго не могли привыкнуть к тому, что за воротами Мариенбурга никто не собирается пересчитывать их перед сном.

В тот день пришло одиннадцать человек. Семеро братьев Ордена, два служилых рыцаря и двое слуг. Ещё троих оставили в Торне из-за болезни. Один из братьев умер в дороге, не доехав до прусской границы. Его имя уже было занесено в список освобождённых, и теперь предстояло вычеркнуть его оттуда и перенести в другую книгу.

Герхард вышел во двор, когда прибывшие ещё спешивались. У ворот собрались люди, надеявшиеся встретить знакомых. Один пожилой брат подошёл к возвращавшимся и начал всматриваться в лица. Он искал комтура, с которым служил больше десяти лет. Комтура среди прибывших не оказалось.

Герхард попросил не задерживать людей расспросами. Сначала им следовало дать горячую пищу, воду и возможность вымыться. Затем лекарь осмотрит больных, а писари сверят имена с документами. Но прибывшие сами начинали рассказывать, едва узнав кого-нибудь во дворе. Они говорили о местах заключения, о раненых, которых не сумели вывезти, о людях, пропавших при переводе из одного города в другой. За каждой такой историей стояли новые сведения, и Герхард не имел права от них отказаться.

Он позвал младшего писаря.

— Возьми отдельный лист. Не записывай рассказ подряд. Сначала имена, потом место, где человека видели в последний раз. Если свидетель не уверен, так и укажи.

— А если двое говорят разное?

— Запиши оба свидетельства.

Молодой человек кивнул и подошёл к одному из вернувшихся.

Герхард смотрел, как тот пытается объяснить судьбу товарища, с которым оказался в плену. Воин помнил название первой крепости, куда их привели, помнил узкое окно в помещении, где они спали на соломе, но не мог точно сказать, когда разлучился с товарищем. Вроде бы осенью. Возможно, позднее. Он видел, как того уводили вместе с другими ранеными, и больше ничего не знал.

Писарь спросил дату ещё раз. Вернувшийся рассердился:

— Я там дней не считал!

Герхард подошёл.

— Не нужно точной даты. Назови хотя бы, до холодов это было или после.

Человек задумался.

— До первых морозов.

— Хорошо. Этого пока достаточно.

Он велел принести прибывшим еду.

Один из братьев, высокий, с глубоко запавшими глазами, отказался идти в трапезную, пока не узнает, кто теперь распоряжается его прежним комтурством. Герхард назвал имя нового комтура.

— Он жив? — удивился брат.

— Да.

— Я думал, погиб.

— Многие так думали.

Человек опустил голову.

— А прежний?

— Погиб под Танненбергом.

Брат медленно снял перчатку. Под ней оказалась кисть с плохо сросшимся пальцем.

— Значит, всё изменилось.

Герхард хотел ответить, что не всё. Замки стоят, земли обрабатываются, службы продолжаются, великий магистр избран. Но перед ним находился человек, который вернулся в тот же Орден и обнаружил, что люди, отдававшие ему приказы всю жизнь, лежат в земле.

— Сначала поешь, — сказал Герхард. — Остальное узнаешь после.

Вернувшийся не спорил.

Генрих фон Плауэн принимал донесение о прибывших в помещении, где прежде проходили заседания высших сановников. Просторный зал казался теперь чрезмерно большим. Несколько привычных мест оставались незанятыми, хотя новые должностные лица уже были назначены или временно исполняли обязанности.

Это раздражало великого магистра. Он не любил пустоты, которая превращается в знак. Если место предназначено для великого комтура, там должен сидеть великий комтур, а не память о погибшем. Но назначить человека было проще, чем передать ему опыт предшественника.

Великого комтура Германа Ганса Плауэн ценил за осторожность и знание орденских дел. Тот не участвовал в гибельном бою и потому сохранил способность управлять, не восстанавливая в памяти каждую минуту Грюнвальда. Однако даже он не мог сразу восполнить потери высшего руководства.

Генрих разложил перед собой список должностей.

Маршал.

Великий госпитальер.

Траппир.

Комтуры.

Низшие должности, которые обычно не попадали на стол великого магистра. На некоторых местах уже стояли новые имена. Другие ещё требовали решения.

— На эту должность предлагают брата, который только что вернулся из плена, — сказал Герман Ганс, указав на одну из строк.

— Служил там раньше?

— Да.

— Сколько?

— Несколько лет. Знает людей и дороги.

— Ранен?

— По сообщению лекаря, серьёзных повреждений нет.

Плауэн взял лист.

— Тогда назначить.

Ганс помедлил.

— Есть ещё одно обстоятельство.

— Какое?

— Он считает, что прежний комтур неправильно распорядился людьми перед походом. Говорит об этом открыто.

— Прежний комтур погиб.

— Именно поэтому братьям неприятно слушать обвинения.

Плауэн отложил документ.

— Если человек умеет управлять замком, я не стану отказывать ему в должности из-за того, что он спорит с мёртвым.

— Дело не только в этом. Он винит высшее командование.

Генрих некоторое время молчал.

— Пусть изложит свои доводы письменно.

— Желаете разбирать решения Ульриха?

— Желаю знать, чему научились выжившие.

Ганс кивнул, но выражение его лица не изменилось. Плауэн заметил это.

— Ты считаешь, что сейчас не время?

— Я считаю, что у нас слишком мало братьев, чтобы они начали обвинять друг друга.

Великий магистр встал и прошёл к окну. Во дворе как раз проводили возвращавшихся из плена. Люди двигались медленно, один опирался на плечо товарища.

— Если мы станем запрещать разговоры о поражении, — сказал Генрих, — они всё равно будут разговаривать. Только не здесь.

Ганс не возразил. Плауэн вернулся к столу.

— Но и устраивать суд над погибшими я не собираюсь. Пусть пишет о том, что сам видел. Не о том, что слышал от других.

Такой порядок устраивал обоих.

Совещание продолжилось.

Один замок требовал нового комтура, потому что временный управляющий заболел. В другом не хватало опытных братьев. Несколько человек из западных владений Ордена просили разрешения вернуться домой после окончания военных обязательств. Отказать им можно было, но Плауэн знал: удержанный против воли человек не заменит погибшего.

Каждое назначение требовало проверки, сколько людей останется в прежнем месте службы. Перевод опытного брата в одну крепость означал, что другая потеряет его знания. Государство, привыкшее распределять избыток силы, теперь распределяло недостаток.

К вечеру великий магистр утвердил лишь часть представленных назначений. Остальные вернул на доработку. Ганс собрал бумаги.

— Вы недовольны?

— Чем?

— Списками.

— Людей мало.

— Больше не станет оттого, что мы будем спорить над именами.

Плауэн посмотрел на него.

— Но можно сделать так, чтобы оставшихся поставили не туда, где они полезнее всего, а туда, где громче просят.

Ганс согласился.

Это и было самым трудным: почти каждая просьба имела основания.

В Кульмской земле комтур, назначенный незадолго до наступления весны, объезжал свои владения и проверял то, что прежние донесения называли восстановленным хозяйством. Первым был мост.

В бумагах говорилось, что мост исправен. На месте выяснилось, что настил заменили лишь частично, перила отсутствуют, а одна опора после ледохода ушла в сторону. Обоз с зерном ещё мог пройти, если лошади шли по одной и возчики не торопились. Тяжёлые повозки с камнем для ремонта крепости переправлять было опасно.

Комтур спешился и сам прошёл по доскам. Они прогибались.

— Кто подписал отчёт?

Местный управляющий назвал имя.

— Он видел мост?

— Думаю, да.

— Не спрашиваю, что ты думаешь.

Управляющий замялся.

Комтур вернулся к коню.

— Завтра прислать плотников. До окончания работ тяжёлые обозы не пропускать.

— Тогда поставки задержатся.

— Если повозка провалится, задержатся дольше.

Он поехал дальше. Следующим был амбар.

Зерна оказалось меньше, чем значилось в ведомости. Управляющий объяснял, что часть отправили в соседний замок, часть испортилась зимой, а часть выдали населению в самые голодные недели. Последнее обстоятельство насторожило комтура.

— По чьему приказу?

— По моему.

— Почему не доложили?

Управляющий опустил глаза.

— Люди голодали.

Комтур ждал продолжения.

— В двух деревнях не осталось даже семенного зерна. Если бы мы не дали им немного, весной они не вышли бы в поле.

— И сколько выдали?

Назвали.

— Записи есть?

— Есть.

— Покажи.

Комтур проверил книги. Расходы были отмечены аккуратно, хотя распоряжение действительно не получило предварительного разрешения. Он вернул ведомость.

— В следующий раз сообщай немедленно.

Управляющий кивнул.

— Но зерно выдали правильно? — спросил он.

Комтур посмотрел на тёмные стены амбара, на пустое пространство между мешками и на стоявших у двери слуг.

— Если бы крестьяне не посеяли весной, осенью не было бы ни их хлеба, ни нашего.

Он сел на коня.

— Поэтому проверь, хватило ли выданного.

В прежние годы такой вопрос редко требовал внимания самого комтура. Сельское хозяйство приносило доход, и управление заключалось в том, чтобы собрать его вовремя. Теперь приходилось сначала выяснять, способен ли человек вообще произвести то, что от него требуют.

Вечером комтур написал в Мариенбург подробное донесение. Он не просил уменьшить повинности на всей территории. Только разрешить временные послабления для нескольких деревень и направить дополнительные средства на мост. В конце перечислил повреждения замковых укреплений.

Письмо получилось значительно длиннее обычного. Он прочитал его ещё раз, прежде чем запечатать.

Потом добавил отдельной строкой, что гарнизон сохраняет способность защищать крепость, но при прежнем снабжении не сможет долго содержать дополнительные наёмные силы. Это была самая важная часть донесения. Потому что новый великий магистр постоянно требовал готовности к войне.

В один из следующих дней Плауэн вызвал к себе казначея и Герхарда.

На столе лежала копия денежного обязательства, принятого Орденом при заключении мира. Сто тысяч коп чешских грошей составляли сумму, которую трудно было представить даже людям, привыкшим распоряжаться доходами целой страны.

Великий магистр не нуждался в повторении общего итога. Его интересовали сроки и источники поступлений.

Казначей последовательно перечислил уже полученные средства, обещанные займы, ожидаемые сборы и суммы, ещё не обеспеченные ничем, кроме надежды на согласие прусских сословий.

— Если не успеем к ближайшему сроку? — спросил Плауэн.

— Придётся добиваться отсрочки.

— На каких условиях?

Казначей осторожно ответил, что заранее сказать невозможно.

Генрих нахмурился. Отсрочка означала новые переговоры с Ягайло. После Грюнвальда ему не хотелось предоставлять польскому королю дополнительную возможность диктовать условия.

— Сколько можно собрать без чрезвычайного налога?

Казначей назвал сумму.

— Иными словами, недостаточно.

— Да.

Плауэн отложил лист.

— Что предлагают города?

Герхард открыл свою папку. После недавних совещаний в канцелярию пришли письма из нескольких крупных центров. Требования различались, но повторялось главное: представители сословий хотели, чтобы чрезвычайные платежи сопровождались рассмотрением жалоб и подтверждением прав.

Казначей считал часть условий чрезмерной.

— Если каждый город начнёт ставить требования, мы ничего не соберём.

— Если каждый город откажется, — ответил Герхард, — результат будет тем же.

Генрих жестом остановил спор.

— Сколько требуют в Данциге?

Герхард начал перечислять. Не успел дойти до конца.

— Они решили воспользоваться нашим положением.

В голосе Плауэна появилось раздражение.

— Часть советников действительно так считает, — осторожно сказал Герхард. — Но есть и другое. Они боятся, что после чрезвычайного сбора последует следующий, а затем ещё один.

— У Ордена нет намерения разорять собственные города.

— Намерения мало. Им нужны гарантии.

Казначей недовольно повернулся.

— Тогда кто будет решать, когда государству нужны деньги? Городские советы?

— Нет, — сказал Герхард. — Но они хотят знать, почему этих денег требуют.

Плауэн слушал, не вмешиваясь. Ещё во время осады он узнал, насколько быстро люди выполняют приказ, когда понимают опасность. Сейчас опасность уже не стояла перед воротами. Её приходилось объяснять с помощью чисел, договоров и сроков платежей.

Это было гораздо труднее.

Он велел подготовить новое обращение к сословиям. Не грозное распоряжение, а подробное изложение положения казны и ближайших обязательств. Казначею предстояло показать те суммы, которые можно раскрыть без ущерба для управления. Герхарду — составить перечень жалоб, требующих рассмотрения.

— Мы не можем принять всё, — предупредил Генрих.

— Они этого и не ожидают, — ответил Герхард.

— Откуда знаешь?

— Потому что продолжают писать. Если бы не хотели договариваться, прекратили бы переговоры.

Плауэн задумался.

Довод был разумным. И всё же он не мог отделаться от ощущения, что власть постепенно втягивают в торг, конца которому никто не знает.

Не все возвращавшиеся из плена находили прежнее место службы.

Брат по имени Маттиас фон Розенберг прибыл в Мариенбург во второй половине весны. Он служил в одном из восточных комтурств и перед походом сопровождал обоз с продовольствием. Под Грюнвальдом потерял коня, получил удар по голове и очнулся уже среди пленных.

В плену он прожил несколько месяцев.

Когда его привели к лекарю, выяснилось, что рана зажила плохо. При резком движении Маттиас терял равновесие, а временами переставал различать речь человека, стоявшего слева. Лекарь не разрешил ему возвращаться к конной службе. Маттиас выслушал это молча.

Потом спросил:

— А если мне станет лучше?

— Возможно.

— Когда?

— Не знаю.

Он ушёл от лекаря рассерженным.

Герхард встретил его возле канцелярии и пригласил внутрь. Маттиас некоторое время стоял у двери, оглядывая помещение, полное бумаг. Потом осторожно сел.

— Мне сказали, вы решаете, куда направить братьев, которые пока не могут служить с оружием.

— Не один я.

— Я не хочу оставаться без дела.

Герхард предложил ему помощь в проверке складских записей. Маттиас посмотрел с недоверием.

— Я рыцарь.

— Знаю.

— Не писарь.

— И этого никто не требует.

Герхард достал ведомость из ближайшего комтурства.

— Ты знаешь, сколько продовольствия нужно небольшому гарнизону на месяц?

Маттиас подумал.

Назвал приблизительное количество.

— А сколько подвод потребуется для доставки?

Ответил.

— Если один мост разрушен и обоз идёт другой дорогой?

Маттиас начал считать, потом остановился.

— Зависит от расстояния.

Герхард кивнул.

— Именно. Вот этим и займёшься, пока лекарь не разрешит вернуться к другой службе.

Брат смотрел на лист.

— Вы хотите, чтобы я проверял дороги?

— И то, что о них пишут люди, которые иногда никогда по ним не ездили.

Маттиас взял ведомость.

Через несколько минут обнаружил первую неточность. Герхард не стал выражать удовлетворения. Он просто передвинул к нему ещё два листа.

К вечеру Маттиас уже спорил с младшим писарем о том, сколько времени потребуется обозу на весенней дороге между двумя замками. Его голос оставался хриплым после ранения, но звучал увереннее. Впервые после возвращения он занимался делом, от которого действительно зависели другие люди.

Один из самых тяжёлых разговоров Плауэна состоялся не с представителями городов и не с казначеем.

К нему пришёл старый орденский брат, служивший ещё при Конраде фон Юнгингене. Он не принадлежал к числу высших сановников, но имел достаточный опыт, чтобы великий магистр выслушал его без свидетелей.

Брат говорил о гарнизонах, о новых назначениях и о том, как трудно заставить молодых людей соблюдать прежний порядок. Затем неожиданно спросил:

— Господин великий магистр, почему мы собираем столь большие силы?

Плауэн поднял глаза.

— Потому что нас разбили.

— Нас разбили прошлым летом.

— Я помню.

— Мир подписан.

— И это помню.

Старый брат помолчал.

— Тогда к какой войне готовимся?

Генрих отложил перо.

Вопрос был неприятным, потому что ответ казался ему очевидным. Польша и Литва оставались сильными. Орден потерял людей и деньги. Прежние границы сохранялись не благодаря чужому великодушию, а потому, что Мариенбург устоял и противники не сумели продолжать кампанию бесконечно. Он не видел причины считать новый мир надёжным.

— К той, которую могут начать против нас, — ответил он.

— А если не начнут?

— Тогда укреплённые замки и подготовленные люди нам не повредят.

Старый брат посмотрел на стол.

— Повредят, если ради них придётся брать деньги, которых у страны нет.

Плауэн почувствовал раздражение.

— Ты предлагаешь распустить гарнизоны?

— Нет. Предлагаю различать то, что необходимо для обороны, и то, что мы собираем на случай возвращения прежней силы.

— Ты считаешь, что её не нужно возвращать?

— Считаю, что сейчас для этого слишком мало людей.

Генрих поднялся.

— Именно поэтому их нужно собрать.

Старый брат тоже встал, но не ушёл.

— И кто будет платить?

Великий магистр посмотрел на него.

— Мы уже обсуждали это с сословиями.

— Я знаю. Потому и пришёл.

Он не пытался унизить Плауэна или поставить под сомнение его заслуги. Напротив, говорил с человеком, которого уважал за спасение Мариенбурга. Но именно это делало разговор трудным. Плауэн ожидал от старших братьев понимания необходимости восстановить силу. Старый брат видел ту же необходимость, но боялся, что Орден начнёт тратить на подготовку нового столкновения то, чего ещё не имел.

— Если нас снова застанут неподготовленными, — сказал Генрих, — никакие сбережения не помогут.

— А если мы доведём страну до нищеты раньше, чем противник выступит?

Плауэн не ответил сразу.

Он подошёл к карте. От Мариенбурга к востоку тянулись владения Ордена. Замки, дороги, комтурства, реки. Всё это удалось сохранить после разгрома. Он знал расположение многих крепостей не по рисунку, а по собственным поездкам. Помнил состояние их стен, подходы, места переправ.

— Я не собираюсь начинать войну ради войны, — произнёс он. — Но не намерен жить так, словно Польша разрешила нам существовать из милости.

Старый брат склонил голову.

— Тогда прошу только об одном: пусть люди знают, сколько сил мы можем собрать на самом деле. Не сколько обещали, не сколько значится по прежним спискам, а сколько придёт по приказу.

Генрих повернулся.

Это был разумный совет.

Он вызвал секретаря и распорядился провести дополнительную проверку гарнизонов и доступных сил. Ведомости должны были составлять отдельно по боеспособным братьям, наёмникам, городским отрядам и людям, которых можно призвать лишь при определённых условиях.

Старый брат поблагодарил его и ушёл. Плауэн остался возле карты.

Спор не поколебал его намерения восстановить военную силу Ордена. Но впервые он ясно увидел, что среди братьев появились люди, которые опасаются не только нового поражения, но и самой подготовки к новой войне.

Летом из одного комтурства пришло известие о смерти человека, которого Герхард уже давно считал вернувшимся из плена.

Брат прибыл весной, несколько недель поправлялся, получил назначение и успел доехать до нового места службы. Там внезапно заболел, слёг и умер. Лекарь предполагал, что тяжёлое заключение подорвало здоровье сильнее, чем казалось при первом осмотре.

Герхард получил донесение вместе с обычной утренней почтой. Он раскрыл список, нашёл имя и сделал новую отметку. Младший писарь увидел.

— Его же только вернули.

— Да.

— Зачем тогда было столько хлопот?

Герхард медленно поднял голову.

— Что ты сказал?

Молодой человек побледнел.

— Я не то хотел…

— Ты спрашиваешь, зачем его возвращали, если он всё равно умер?

Писарь опустил глаза. Герхард закрыл книгу.

— Потому что он был нашим человеком. Потому что имел право вернуться домой. И потому что мы не решаем заранее, сколько кому осталось жить.

Он не повышал голоса, но молодой служащий понял, что задал вопрос, который нельзя было задавать так небрежно. Герхард вышел из канцелярии.

Во дворе стояли телеги с зерном. Люди разгружали мешки. Один из возчиков ругался из-за порванной верёвки. Всё выглядело обычным, почти мирным. Война закончилась несколько месяцев назад, но продолжала забирать людей, которых уже удалось спасти.

Он постоял, пока не стихло раздражение, затем вернулся к работе.

В тот день он велел отдельно отмечать умерших после освобождения из плена. Не соединять их с погибшими под Грюнвальдом и не записывать как обычные смерти без пояснений. Это ничего не меняло для умерших. Но позволяло хотя бы сохранить точность.

В Данциге Хеннинг Брант получил известие, что часть его требований к орденским поставщикам признана обоснованной. Он прочитал письмо дважды.

Не поверил.

Потом вызвал Маттиаса и велел сверить расчёты.

Сумма оказалась меньше той, которую он ожидал, но больше, чем надеялся получить после нескольких месяцев споров. Деньги обещали выплатить не сразу. Часть долга предлагалось зачесть в будущих обязательствах. Хеннинг долго обсуждал это с помощником.

— Берём? — спросил Маттиас.

— Конечно.

— Даже если не заплатят всё?

— Если будем ждать, пока выплатят всё, склад построится без крыши.

Он подписал ответ и велел готовить товар к отправке.

Но радость оказалась недолгой. В тот же день городской совет получил новые известия о разногласиях с орденскими властями. Среди купцов усиливалось раздражение. Одни требовали более решительного сопротивления дополнительным сборам, другие опасались, что открытый конфликт приведёт к закрытию торговых дорог и остановке рынков.

Хеннинг не любил ни тех, ни других, когда они начинали говорить слишком уверенно. Он знал, что Орден способен причинить городу серьёзный ущерб. И знал, что город уже не может платить без конца. Вечером он встретил одного из советников у пристани.

Тот спросил:

— Ты поедешь в Мариенбург, если пригласят?

— Поеду.

— И опять станешь объяснять, что нам нужно договариваться?

— Смотря о чём.

Советник раздражённо махнул рукой.

— С ними невозможно говорить. Они считают, что всё принадлежит Ордену.

Хеннинг посмотрел на стоявшее рядом судно.

— А ты считаешь, что всё принадлежит городу?

— Я считаю, что у города есть права.

— У Ордена тоже.

— Тогда на чьей ты стороне?

Купец некоторое время молчал.

— На стороне людей, которым нужно завтра открыть склады и выйти в море.

Советник недовольно отвернулся. Хеннинг не остановил его.

Ему всё меньше нравилось, что каждый спор требовал выбрать одну сторону целиком. Орден защищал торговые пути, но собирал тяжёлые платежи. Город имел основания возра-

жать, но мог поставить собственных жителей под угрозу, если доведёт конфликт до открытого столкновения.

Для купца это были не отвлечённые вопросы. Каждое решение имело цену, срок и последствия.

В Мариенбурге Генрих фон Плауэн получил очередные сведения о состоянии гарнизонов. Проверка, которой он распорядился после разговора со старым братом, дала результаты неприятнее ожидаемых.

Часть наёмников оставалась только при условии своевременной выплаты жалованья. Некоторые братья были слишком стары для продолжительной полевой службы. Вернувшиеся из плена требовали лечения. В отдельных комтурствах гарнизоны можно было усилить лишь ценой ослабления соседних крепостей.

Генрих долго изучал итоговую ведомость. Потом приказал вызвать Герхарда.

— Ты помогал составлять?

— Да.

— Цифры правильные?

— Насколько удалось проверить.

Плауэн указал на один из разделов.

— Здесь раньше было больше.

— Раньше считали людей, которые числились в гарнизоне. Теперь указаны те, кто действительно может выступить.

— Значит, мы были слабее, чем думали.

Герхард не стал смягчать ответ.

— Да.

Генрих поднялся и прошёл по комнате.

Долгое время он считал, что основные потери Ордена можно измерить числом погибших под Грюнвальдом. Теперь выяснялось, что последствия глубже. Погибший комтур оставлял после себя не только незанятую должность. Исчезало знание местности, привычка управлять людьми, отношения с городами и рыцарством. Раненый брат мог остаться жив, но уже не способен был выдержать тяжёлый поход. Замок сохранял стены, однако без опытного командования превращался в дорогое укрепление, ожидающее чужого решения.

Он остановился возле стола.

— Сколько нам нужно времени, чтобы исправить положение?

Герхард задумался.

— Это зависит от денег.

— Всё зависит от денег?

— Не всё. Но почти всё, что можно сделать быстро.

Плауэн посмотрел на него с усталостью.

— Я спас государство, у которого нет достаточно людей, чтобы защитить себя, и нет достаточно денег, чтобы нанять новых.

Герхард промолчал.

Великий магистр вернулся к креслу.

— Хорошо. Тогда начнём с того, что можем.

Они долго обсуждали перераспределение служилых братьев, усиление наиболее важных замков, ремонт дорог и подготовку молодых людей. Отдельное внимание Плауэн приказал уделить хранению продовольствия. Война показала, насколько легко потерять обоз или оказаться отрезанным от склада. Теперь каждый крупный замок должен был иметь достаточный запас на случай внезапной угрозы.

К вечеру на столе лежал новый план. Он был скромнее прежних расчётов. И потому исполнимее. Плауэн подписал его неохотно.

Маттиас фон Розенберг к этому времени уже несколько недель работал с хозяйственными ведомостями.

Он по-прежнему мечтал вернуться к конной службе. Иногда, когда во двор въезжал вооружённый отряд, оставлял бумаги и выходил посмотреть на лошадей. Движения его стали увереннее, но при резком повороте голова всё ещё начинала кружиться.

Однажды лекарь застал его возле конюшни.

— Опять собираешься в седло?

— Только посмотреть.

— Смотри с земли.

Маттиас усмехнулся.

— Ты слишком осторожен.

— Зато ты жив.

Брат не ответил.

Вечером он вернулся к своей работе и обнаружил, что очередное комтурство просит направить дополнительных людей для охраны подвоза зерна. По прежним расчётам обоз должен был идти дорогой через мост, который после зимы оставался повреждённым.

Маттиас вспомнил, что уже читал похожее донесение. Он поднял старые бумаги, нашёл нужную запись и увидел: ремонт ещё не подтверждён.

Если обоз пойдёт прежним путём, часть повозок придётся разгружать перед переправой. Люди задержатся. Для охраны потребуются дополнительные силы. Проще изменить маршрут, пусть он и длиннее. Маттиас составил короткую записку.

На следующий день Герхард прочитал её и распорядился проверить сведения.

Через несколько дней пришёл ответ: мост действительно не готов. Обоз отправили другой дорогой. Маттиас узнал об этом случайно. Он не ожидал, что кто-то станет сообщать ему результат. Но Герхард сам подошёл к его столу.

— Твою дорогу выбрали.

— Значит, прежняя была плохой?

— Мост не отремонтирован.

Маттиас кивнул.

Потом спросил:

— Сколько людей сэкономили?

Герхард назвал приблизительное число охраны, которую не пришлось выделять дополнительно. Брат некоторое время смотрел на бумаги.

Он привык считать службу делом, в котором человек находится перед врагом с оружием. Теперь оказалось, что можно принести пользу иначе, не встретив ни одного противника. Это не делало потерю прежней жизни легче. Но позволяло перестать считать себя бесполезным.

Летом на одном из совещаний Плауэн распорядился подготовить общий отчёт о состоянии государства после заключения мира. Не отдельные донесения. Не только деньги. Он хотел видеть всё вместе.

Какие крепости полностью восстановлены. Где требуется ремонт. Какие земли снова дают прежний доход, а какие нуждаются в помощи. Сколько братьев вернулось из плена. Сколько остаётся неизвестными. Сколько наёмников состоит на службе. Какие города спорят о платежах. Где можно ожидать недовольства.

Герхард сначала счёл задачу почти невыполнимой. Но потом понял, что великий магистр просит не просто собрать цифры. Он хочет увидеть государство таким, каким оно стало после войны.

Раньше подобный отчёт составлялся бы из нескольких привычных разделов. Теперь каждый раздел требовал пояснений. Нельзя было написать, что комтурство платит меньше, не указав, сколько деревень разорено. Нельзя было назвать гарнизон сильным, не уточнив, сколько

людей способны выступить. Нельзя было перечислить городские доходы без сведений о задолженности и потерянной торговле.

Работа заняла недели. Сведения приходили неравномерно.

Некоторые комтуры пытались представить положение лучше, чем было на самом деле. Другие, наоборот, преувеличивали трудности, надеясь получить дополнительные средства.

Герхард проверял.

Сверял.

Возвращал бумаги.

Иногда посылал человека на место. Маттиас фон Розенберг помогал ему и всё чаще обнаруживал противоречия, которых не замечали более молодые писари.

Однажды они сидели над донесением из восточного комтурства, где говорилось, что все дороги исправны, а снабжение гарнизонов осуществляется без затруднений. Маттиас покачал головой.

— Не верю.

— Почему?

— Там каждый год весной размывает дорогу у мельницы.

— Может, исправили.

— Тогда почему не указали расход на ремонт?

Герхард взял ведомость. И действительно не нашёл соответствующей записи. Он поручил отправить запрос. Через некоторое время пришёл ответ: дорогу исправили лишь временно, а повозки по-прежнему объезжали опасный участок. Маттиас не стал торжествовать.

Только записал новое расстояние. Герхард наблюдал за ним и думал, что Ордену нужны такие люди не меньше, чем молодые братья, способные держать копьё.

В конце лета Плауэн получил сводный отчёт. Он оказался значительно толще, чем ожидал. Великий магистр читал его несколько дней.

Иногда возвращался к уже просмотренным страницам. Сравнивал разные комтурства, отмечал расхождения, вызывал казначея или Герхарда за разъяснениями. Постепенно перед ним возникала картина, которой не было видно со стен Мариенбурга.

Орден сохранил большую часть своей территории и главные административные учреждения. Замки продолжали действовать, дороги восстанавливались, торговля возвращалась. Комтурства ещё могли собирать доходы и содержать гарнизоны. Но прежняя уверенность исчезла.

Во многих местах власть держалась потому, что население пока не видело другой достаточно прочной силы. Города исполняли распоряжения, одновременно требуя всё больших объяснений. Землевладельцы ожидали подтверждения прав. Среди самих братьев усиливались разногласия по поводу того, следует ли готовиться к новой войне или прежде восстановить хозяйство.

Финансовые обязательства оставались тяжёлыми, несмотря на уже собранные средства. И всё же государство работало. Это было главным. Плауэн закрыл последнюю страницу и велел позвать Герхарда. Старый служащий пришёл ближе к вечеру. Великий магистр стоял у карты.

— Прочитал всё.

— И?

— Мы сильнее, чем кажемся.

Герхард выслушал.

Плауэн продолжил:

— У нас сохранились замки, земли, доходы, города, связи с западными владениями. Есть люди, которых можно обучить. Есть время для восстановления. Всё это не исчезло под Танненбергом.

— Да.

— Но ты не согласен?

— Согласен.

— Тогда почему такой вид?

Герхард подошёл к столу.

— Потому что всё перечисленное ещё нужно привести в порядок. А на это требуется больше времени, чем нам хочется.

Плауэн усмехнулся.

— Ты всегда возвращаешься к времени.

— Оно не записано в казне. Но тратится быстрее денег.

Генрих взял одну из ведомостей.

— Если получим два спокойных года, многое исправим.

— Возможно.

— Ты сомневаешься?

— Я не знаю, будут ли они спокойными.

Великий магистр подошёл к окну.

Солнце уже опускалось. На Ногате отражался красноватый свет, за рекой виднелись поля, на которых начинали собирать урожай. Мариенбург казался прочным и спокойным. Его башни не выдавали ни пустоты казны, ни нехватки опытных командиров, ни раздражения городских советов.

— Тогда нельзя терять ни одного года, — сказал Плауэн.

Герхард не возразил.

Он понимал великого магистра. После спасения Мариенбурга Плауэн привык действовать быстро, потому что тогда промедление действительно могло уничтожить всё. Но хозяйство восстанавливалось иначе, чем оборонялась крепость. Нельзя приказом получить урожай раньше срока. Нельзя заставить раненого брата выздороветь быстрее. Нельзя заменить опыт погибшего комтура одной печатью на документе.

Каждому делу требовалось собственное время. И все они требовали его одновременно.

Осенью Герхард снова встретил Миколая Краузе.

Крестьянин приехал в Мариенбург с небольшой партией зерна. Он не знал старого служащего по имени, но помнил его лицо: видел ещё прошлым годом, когда несколько деревень отправляли жалобы о реквизициях. Миколай стоял у весов, пока писарь проверял мешки.

Герхард остановился.

— Из какого селения?

Миколай назвал.

— Как урожай?

— Лучше, чем боялись.

— Лошадь есть?

Крестьянин удивился.

— Одна.

— Хватает?

— Сосед помогает.

Герхард кивнул.

Миколай помедлил, потом спросил:

— Новый сбор будет?

— Какие-то повинности останутся. О размерах сообщат через комтурство.

— Значит, опять.

Герхард посмотрел на мешки.

— Государству нужны деньги.

Миколай вытер ладонью лоб.

— Мне тоже.

В словах не было дерзости.

Только усталость.

Герхард не нашёл подходящего ответа.

Он спросил, удалось ли закончить сев вовремя. Миколай рассказал о лошади, о помощи соседа и о том, как долго пришлось чинить плуг. Потом заговорил о зерне, часть которого оставил для семьи. Он хотел купить вторую лошадь до весны, но не знал, хватит ли средств.

— Если её не будет, снова придётся просить соседа, — сказал он.

Герхард пообещал передать сведения о состоянии хозяйства в комтурство, хотя понимал, что одного обещания мало. Когда крестьянин уехал, он ещё некоторое время стоял возле весов. Зерно уже было записано как поступившее. Мешки унесли на склад.

В ведомости не осталось ни больной лошади, ни соседской помощи, ни опасения перед следующим сбором.

Только число.

Герхард вернулся в канцелярию и впервые за много лет почувствовал, что привычная точность записей недостаточна.

В тот же вечер великий магистр принимал нескольких братьев, вернувшихся из объезда комтурств.

Они рассказывали о состоянии крепостей, о настроениях населения, о ремонтах и запасах. Плауэн слушал внимательно. Не прерывал без необходимости, но часто просил уточнить отдельные обстоятельства. Когда разговор закончился и братья ушли, он остался с Германом Гансом.

— Можно восстановить всё, — сказал Генрих.

Великий комтур не ответил сразу.

— Не сразу.

— Я знаю.

— И не прежним способом.

Плауэн повернулся.

— Что ты имеешь в виду?

— Раньше мы могли распределять силы между замками и собирать необходимые средства, почти не обсуждая с городами каждое распоряжение. Теперь приходится договариваться. Среди братьев тоже меньше согласия, чем прежде.

— Значит, нужно вернуть согласие.

— Да.

— И дисциплину.

— Да.

Ганс помолчал.

— Только дисциплина не возвращает погибших.

Генрих подошёл к столу.

— Ты предлагаешь довольствоваться тем, что осталось?

— Предлагаю сначала понять, что мы способны удержать.

Плауэн смотрел на него долго.

Два человека говорили об одном государстве, которое оба хотели сохранить. Они признавали одни и те же потери, знали одни и те же обязательства и понимали опасность новой войны. Но для Плауэна сохранение означало восстановление способности действовать самостоятельно, не ожидая чужой воли. Для великого комтура — прежде всего возвращение устойчивого порядка, при котором государство не вынуждено каждый месяц искать деньги для очередного чрезвычайного расхода.

Ни один не считал себя противником другого. Именно поэтому разногласие не исчезало после разговора. Наконец Плауэн сказал:

— Я не собираюсь отдавать то, что мы удержали под Мариенбургом.

— Я тоже.

— Тогда нам нужны люди и деньги.

— Нужны.

— Значит, будем их собирать.

Ганс опустил голову.

Разговор закончился.

Но Генрих видел, что не убедил его полностью.

Ночью Герхард закончил последнюю ведомость о возвращении пленных.

В ней уже были не только имена живых и умерших. Отдельно отмечались те, кто способен вернуться к службе, те, кому требовалось лечение, и те, кого следовало направить на другую работу. Маттиас фон Розенберг значился среди последних.

Герхард проверил запись, потом задержал на ней руку.

Он вспомнил, как человек с плохо зажившей раной впервые сел за стол и отказался считать себя писарем. Теперь тот составлял полезные расчёты, находил ошибки в донесениях и постепенно возвращал себе уверенность. Орден потерял много людей.

Но не каждый, кто перестал держать копьё, перестал быть нужен. Герхард закрыл книгу.

В коридоре раздавались шаги ночного караула. За стенами шумела река. Где-то внизу скрипнула дверь, послышался короткий разговор и снова наступила тишина. Он погасил свечу.

В Мариенбурге спали люди, которых ещё год назад здесь не было: новые комтуры, вернувшиеся пленные, молодые братья, служащие, занявшие места погибших. На стенах стояли новые караулы. В канцеляриях лежали новые книги. В казне появлялись деньги и почти сразу исчезали на платежи.

Всё было знакомым по расположению дворов, служб и ворот. Но Герхард всё чаще узнавал имена не по служебным спискам, а по рассказам о ранах, долгах и потерянных домах.

Завтра в канцелярию придут за отсрочкой, за назначением, за лекарством или за жалованьем. Он уже приготовил несколько чистых листов и оставил рядом перечень пленных, судьба которых ещё не выяснилась. На последней строке не было даже уверенного имени — только прозвище, услышанное от товарищей.

Герхард не зачеркнул эту строку.

Книга оставалась незаконченной. Он вернул её на край стола, где утром её непременно заметят, и только тогда погасил последнюю свечу.

Глава 2. Цена спасения

Пруссия. Осень 1411 года.

Хеннинг Брант не любил проезжать мимо данцигского замка.

Раньше он почти не замечал его. Замок стоял там, где и должен был стоять замок Ордена: над дорогой, рядом с водой, с крепкими стенами и вооружёнными людьми у ворот. Купец привык считать его частью городского порядка, столь же необходимой, как гавань, весовая палата или таможенная пристань. Иногда этот порядок раздражал. Комтурские служащие спорили о пошлинах, задерживали товары и требовали бумаги, которые купцам казались ненужными. Но торговля продолжалась, суда приходили и уходили, а споры рано или поздно разрешались.

Теперь Хеннинг всякий раз вспоминал трёх человек, которые весной вошли в замок и не вернулись.

Он знал их не одинаково хорошо. С Конрадом Лецкау встречался на заседаниях и несколько раз обсуждал городские дела. Арнольда Хехта видел чаще: тот умел слушать даже неприятные возражения и не торопился соглашаться с первым предложением. Бартоломея Гросса Хеннинг знал преимущественно по торговым спорам. Тот был человеком непростым, требовательным и порой резким, но ничего из того, что купец знал о нём, не позволяло представить его смерть в орденском замке.

Официальные объяснения расходились со слухами. Город говорил об убийстве. Сторонники Ордена напоминали о неповиновении властям, подозрениях в связях с польской стороной и опасных действиях городского руководства во время войны. Но для Хеннинга решающим оставалось другое: людей пригласили явиться к представителям власти, и домой они не вернулись.

В городе ещё продолжали спорить о праве и виновности, а вдовы уже привыкали к необходимости вести хозяйство без мужей.

Купец свернул с дороги раньше обычного и поехал вдоль складов. После ночного дождя между колеями стояла вода, колёса телег разбрызгивали грязь на стены. У пристани разгружали соль. Возле одного из причалов кричали друг на друга два кормчих, не поделившие место.

Хеннинг остановился и посмотрел на них.

Ссора была обыкновенной. Из таких споров состояла мирная жизнь города. Ему вдруг захотелось, чтобы в Данциге снова спорили только о местах у причала, о цене воска и о качестве зерна, а не о том, кого можно считать верным подданным Ордена.

Он поехал дальше. У его склада уже ждал Маттиас с новой ведомостью поставок. Молодой помощник выглядел недовольным.

— Из Мариенбурга опять письмо.

Хеннинг спешился.

— Деньги?

— Деньги.

— Тогда всё в порядке. Значит, мир продолжается.

Маттиас не улыбнулся. За последние месяцы он привык к подобным замечаниям хозяина, но не разделял его способности превращать раздражение в шутку.

— Они требуют подтверждения наших обязательств до конца месяца.

— Каких именно?

Маттиас назвал сумму.

Хеннинг взял бумагу, пробежал глазами и остановился на последнем абзаце. Там говорилось о необходимости своевременного исполнения сборов, установленных в связи с денежными обязательствами государства.

— Опять без указания, когда нам вернут наши долги, — сказал он.

— Я проверил. В прошлый раз тоже не указали.

— Тогда подготовь ответ.

— Какой?

Купец посмотрел на погружённую в грязь пристань, где один из грузчиков с трудом тащил мешок.

— Вежливый. Но не настолько, чтобы они решили, будто мы больше ничего не спрашиваем.

После Торуньского мира деньги приобрели для Плауэна значение, которого прежде не имели ни один замок и ни одна дорога.

Замок можно было укрепить. Дорогу исправить. Гарнизон усилить, перебросив людей из соседнего комтурства. Но денежное обязательство не поддавалось подобному обращению. Его нельзя было заменить более сильной стеной или отсрочить приказом. За документом стояли польский король, его советники, освобождённые пленные и сроки, записанные при заключении мира.

В Мариенбурге теперь почти ежедневно обсуждали платежи.

Однажды Герхард принёс казначею ведомость, в которой были указаны поступления от чрезвычайных сборов. Рядом лежали отчёты о долгах Ордена собственным поставщикам, служилым людям и кредиторам.

Казначей некоторое время сравнивал листы, затем взял перо и перенёс часть суммы из одного раздела в другой. Герхард остановил его.

— Почему?

— Деньги придут позднее.

— В каком месяце?

— Возможно, до конца года.

— Тогда не записывай их как полученные.

Казначей раздражённо отложил перо.

— Если буду учитывать только то, что лежит в сундуках, придётся закрыть половину расходов.

— Я и хочу показать, что расходы пока не обеспечены.

— Великий магистр и без тебя это знает.

— Знает. Но ему нужно видеть, чего именно не хватает.

Казначей прошёлся по комнате. На одном из столов лежали мешочки с монетами, приготовленными для проверки. Двое служащих пересчитывали деньги, отделяя стёртые и подозрительные.

— Ты понимаешь, что происходит? — спросил он. — Мы получаем деньги от городов и почти сразу отправляем их за границу. Потом приходят наши люди и требуют жалованья. Им нечем платить. Они говорят, что Орден нарушает обещания. Мы обращаемся к городам снова. Города требуют льгот. Замки просят помощи. И всё начинается сначала.

Герхард сел.

— Понимаю.

— Тогда предложи выход.

Старый служащий задумался.

Прежде он часто мог найти решение там, где другие видели только затруднение. Перенести срок поставки. Изменить маршрут обоза. Временно использовать запасы соседнего комтурства. Теперь подобные приёмы помогали лишь на короткое время.

— Нужно прекращать расходы, которые можно отложить, — произнёс он.

— Великий магистр не хочет ослаблять гарнизоны.

— Я не говорю о гарнизонах.

— Тогда о чём?

— О работах, которые не требуются немедленно. О закупках, которые можно перенести. О содержании людей, обязанности которых сейчас выполняют другие.

Казначей покачал головой.

— Каждый такой расход кто-нибудь назовёт необходимым.

— Значит, придётся проверять.

— Ты предлагаешь проверять весь Орден?

— Если иначе не получается.

Казначей долго смотрел на него. Потом неожиданно рассмеялся.

— Вот до чего мы дошли. Великий магистр спас государство, а теперь нам нужно искать деньги, чтобы оплатить его спасение.

Герхард не ответил. Он слишком хорошо понимал, что в этой фразе не было преувеличения.

Плауэн слушал предложения о сокращении расходов с возрастающим раздражением.

Он не отвергал хозяйственной осторожности. Во время обороны Мариенбурга сам приказал пересчитать каждый мешок зерна и распределить запасы так, чтобы крепость могла выдержать длительную осаду. Но между сбережением продовольствия в осаждённом замке и сокращением средств на восстановление орденской армии он видел существенную разницу.

В первом случае экономия продлевала сопротивление. Во втором могла лишить государство возможности сопротивляться в будущем.

На совещании присутствовали великий комтур Герман Ганс, казначей, несколько опытных братьев и Герхард. Разговор начался с цифр, но вскоре перешёл к положению замков и гарнизонов.

— Мы не можем оставить восточные земли без достаточной защиты, — сказал Плауэн. — Не можем распустить наёмников, пока не подготовлены собственные силы. Не можем отказаться от ремонта крепостей, которые пострадали во время войны.

Казначей согласился со всем перечисленным. Затем напомнил, что для выполнения каждого решения нужны деньги.

— И сколько мы можем оставить без оплаты? — спросил Генрих.

— Не больше того, что кредиторы согласятся ждать.

— Тогда договариваться с ними.

Герхард вмешался:

— Некоторые уже ждут больше года.

Великий магистр повернулся к нему.

— Что предлагаешь?

— Прежде чем обещать новые суммы, нужно выплатить хотя бы часть старых.

— Из каких средств?

Герхард указал на подготовленную ведомость.

Предлагалось отложить несколько строительных работ, сократить закупки для отдельных гарнизонов и временно отказаться от части расходов, которые прежде считались обычными. Генрих прочитал список.

— Здесь укрепления у Мемеля.

— Работы можно продолжить позднее.

— Если Витовт снова начнёт вмешиваться в Жемайтию, позднее окажется слишком поздно.

— Там не предлагается оставить крепость без защиты. Только не расширять укрепления сейчас.

Плауэн отложил лист.

— А здесь?

— Закупка дополнительных лошадей.

— Лошади нужны.

— Да. Но не все одновременно.

Великий магистр помолчал. Затем начал отмечать расходы, которые согласился пересмотреть. Большую часть предложений он отклонил. Некоторые принял частично.

Герхард наблюдал за ним и понимал, что перед ним не человек, равнодушный к хозяйству. Плауэн видел угрозу иначе. Он считал, что слишком слабое государство не сможет защитить ни города, ни поля, ни самих людей, жалующихся на налоги. Поэтому любое сокращение военных расходов казалось ему опасным не само по себе, а возможными последствиями.

Однако и казначей был прав. Пока государство не имело денег, даже самая разумная подготовка оставалась намерением.

В Данциге осень принесла новое обострение споров между сторонниками Ордена и людьми, считавшими, что город слишком дорого заплатил за прежнее подчинение.

После весенних событий городской совет изменился. Некоторые прежние должностные лица исчезли из управления, другие заняли их места. У ремесленных цехов стало больше возможностей влиять на городские решения. Для части купцов это выглядело восстановлением порядка после опасного неповиновения. Для других — вмешательством Ордена в дела, которые город прежде считал своими.

Хеннинг старался не участвовать в публичных обвинениях. Не из страха перед собственной позицией. Из-за людей, которые уже погибли.

Он понимал, что даже умеренность теперь можно истолковать как предательство. Если он требовал уплаты долгов со стороны Ордена, его называли сторонником прежнего совета. Если признавал необходимость чрезвычайного налога, говорили, что он оправдывает насилие над городскими руководителями.

Однажды к нему пришла вдова одного из погибших советников.

Она хотела выяснить, сохранились ли документы по сделке, в которой участвовал её муж. Речь шла о торговом долге, возникшем ещё до войны. Бумаги находились у нескольких купцов, и Хеннинг мог помочь восстановить расчёты. Он пригласил женщину в контору.

Её сопровождал родственник, молодой мужчина, который почти всё время молчал и смотрел на хозяина склада с подозрением. Женщина объяснила дело спокойно. Только когда дошла до имени мужа, на мгновение остановилась. Хеннинг принёс старую книгу.

Нашёл запись.

Сверил сумму.

— Долг подтверждается, — сказал он.

— Значит, его должны выплатить?

— Да. Я подготовлю копию, чтобы вы могли предъявить её должнику.

Женщина поблагодарила.

Молодой родственник неожиданно спросил:

— А вы продолжаете торговать с Орденом?

Хеннинг поднял глаза.

— Продолжаю.

— После всего?

Вдова тихо произнесла его имя, но он не остановился.

— Значит, для вас ничего не изменилось?

Купец закрыл книгу.

— Изменилось многое.

— Но деньги важнее?

Хеннинг некоторое время молчал. Затем спросил:

— Если я прекращу торговлю с Орденом, долг вашего родственника станет меньше?

Молодой человек нахмурился.

— Это другое.

— Возможно. Но вы пришли сюда за документами, которые позволят вернуть деньги. Я помогаю вам именно потому, что продолжаю вести дела и храню записи.

Женщина вмешалась:

— Мы не для спора пришли.

— Я знаю, — ответил Хеннинг.

Он протянул ей подготовленный лист. После их ухода купец долго сидел один. Слова молодого человека раздражали его меньше, чем собственная неспособность дать на них ответ, который устроил бы всех. Он не оправдывал произошедшее весной.

Но и не мог считать Орден чужой властью, не имеющей отношения к его жизни. При нём вырос Данциг. При нём торговали его отец и дед. Орденские замки защищали дороги, которыми купцы пользовались десятилетиями. Теперь та же власть заставляла людей опасаться приглашения в замок.

Хеннинг не знал, как соединить эти две правды.

Герхард получил из Данцига письмо Хеннинга через несколько дней.

Купец писал о новых трудностях торговли, о долгах орденских поставщиков и о том, что городские купцы готовы обсуждать выплаты, если получат ясные гарантии соблюдения договорённостей. В конце находилась приписка, сделанная другой рукой:

«Люди всё ещё помнят весну».

Герхард перечитал её. Маттиас фон Розенберг, работавший рядом, заметил, что старый служащий долго не переворачивает страницу.

— Плохие вести?

— Не новые.

— Тогда почему?

Герхард сложил письмо.

— Иногда старые вести оказываются самыми дорогими.

Маттиас не понял, но расспрашивать не стал.

Он знал о данцигских событиях. Слышал разные объяснения. Одни братья говорили о необходимости наказать неповиновение, другие избегали обсуждения, третьи считали, что столь тяжёлое решение подорвало доверие горожан сильнее, чем любой налог.

Герхард не любил разговоров, в которых смерть людей превращалась в доказательство чьей-либо правоты. Он хотел знать другое: как теперь управлять городом, если одна часть жителей считает власть защитой, а другая — угрозой?

В Мариенбурге тем временем готовили новые распоряжения о чрезвычайных платежах.

Требования были различными для разных источников дохода. Землевладельцы говорили о состоянии хозяйств, города — о торговле, комтуры — о невозможности уменьшить гарнизоны. Некоторые духовные учреждения ссылались на свои привилегии. Каждый признавал нужды государства, но надеялся, что именно его положение послужит основанием для послабления.

Плауэн настоял, чтобы казначей подготовил общий расчёт, показывающий, сколько удастся собрать при различных вариантах. Герхард принёс три ведомости. В первой были указаны ожидаемые поступления при полном исполнении требований. Во второй — при вероятных отсрочках и частичном отказе городов.

В третьей — при наиболее неблагоприятном развитии событий. Великий магистр начал с последней.

— Почему здесь так мало?

— Потому что часть денег может не поступить в срок.

— Города уже обещали.

— Некоторые. Не все.

— А рыцарство?

— В целом согласилось, но просит учитывать потери отдельных владений.

Генрих взял первую ведомость.

— Здесь всё сходится.

— Да.

— Почему же мы не можем получить эту сумму?

Герхард некоторое время смотрел на лист.

— Потому что она существует при условии, что каждый исполнит обязательство полностью и вовремя.

— Значит, нужно заставить.

Старый служащий поднял глаза.

— Кого именно?

Плауэн почувствовал знакомое раздражение.

— Всех, кто обязан.

— У кого взять, если нет денег?

Генрих не ответил сразу.

Вопрос звучал почти так же, как разговор с крестьянином, которого недавно встретил Герхард возле весов. Только здесь он касался всего государства.

— Тогда брать то, что можно получить, — сказал великий магистр. — Остальное распределить по срокам. Но отказаться от обязательств мы не можем.

Герхард согласился.

Он не предлагал отказаться. Он хотел, чтобы приказы соответствовали действительным возможностям людей, а не только потребностям казны.

В одном из прусских селений сборщики появились после окончания осенних полевых работ.

Миколай Краузе к тому времени уже убрал зерно и начал готовить хозяйство к зиме. Урожай оказался лучше прошлогоднего, но недостаточным, чтобы покрыть все расходы. Часть хлеба требовалось оставить на посев, часть — семье, часть — на выполнение повинностей.

Теперь предстояло внести дополнительный платёж. Сборщик приехал вместе с местным служащим и писарем. Они остановились у дома старосты, где заранее собрались хозяева нескольких дворов.

Миколай принёс сведения о своём хозяйстве. На листе были указаны размер посева, количество собранного зерна, сохранившийся скот и прежние платежи.

Служащий прочитал.

— Почему нет второй лошади?

— Погибла во время войны.

— Это было в прошлом году.

— Новая не родилась.

Несколько крестьян негромко засмеялись. Служащий поднял глаза.

— Купить не мог?

Миколай посмотрел на него.

— Если бы мог, купил бы.

— Мы не требуем лошадь. Требуем платёж.

— А деньги зарабатывают без лошади?

Сборщик вмешался, попросив обоих говорить спокойнее. Он внимательно изучил записи и спросил Миколая, сколько зерна осталось после обязательных поставок.

Крестьянин назвал.

— Этого хватит на семью?

— Если зима не будет долгой.

Сборщик сделал пометку.

— Часть платежа можно перенести до весны. Но потребуется подтверждение комтурства.

Миколай выдохнул.

Он не получил освобождения.

Только время.

Но в его положении время имело значение. За несколько месяцев можно было продать часть продукции, найти дополнительную работу или договориться о расчёте с соседями. Когда мужчины разошлись, староста задержал сборщика.

— Вы понимаете, что люди не отказываются платить?

Тот кивнул.

— Понимаю.

— Тогда передайте в комтурство, что зимой брать больше нельзя.

— Я передам.

— Именно это и передайте. Не то, что они упрямятся.

Сборщик некоторое время смотрел на старосту.

— Я напишу, что хозяйства ещё восстанавливаются после войны.

Староста поблагодарил его. Но оба понимали, что окончательное решение будет принято далеко от деревни.

Хеннинг Брант снова приехал в Мариенбург в конце осени.

На дорогах уже прихватывало морозом. В низинах стоял туман, а возле переправ колёса повозок вязли в промёрзшей грязи. Купец ехал с небольшим сопровождением и несколькими документами, которые хотел передать орденским служащим лично.

Герхард встретил его в канцелярии. Хеннинг сразу выложил бумаги.

— Сначала дело.

— Ты когда-нибудь начинаешь иначе?

— Когда дело плохое, начинаю с жалоб. Сегодня ещё терпимо.

Они разобрали расчёты. Часть поставок Орден подтверждал, часть требовала проверки. По нескольким договорам удалось согласовать сроки оплаты. Когда бумаги убрали, Хеннинг спросил:

— Как великий магистр?

— Работает.

— Это я знаю. Вопрос — что собирается делать дальше?

Герхард посмотрел.

— Восстанавливать государство.

— Вопрос тот же.

Старый служащий помолчал. Хеннинг продолжил:

— В Данциге многие считают, что Плауэн не собирается мириться с нынешним положением.

— Ты о Польше?

— О Польше. О Литве. О городах. Обо всех, кто ему возражает.

Герхард не стал отвечать сразу.

Он знал великого магистра лучше, чем купец. Плауэн не был человеком, который искал ссоры ради удовлетворения собственного самолюбия. Он действительно считал, что Орден должен восстановить силу и независимость. Но чем больше сил требовалось для этой цели, тем больше денег приходилось собирать, тем сильнее раздражались города и тем чаще возникали новые конфликты.

— Он хочет, чтобы государство снова могло защищать себя, — сказал Герхард.

— А мы хотим, чтобы нам позволили восстановить торговлю.

— Это не противоречит друг другу.

Хеннинг посмотрел на него.

— Пока расходы на одно не уничтожают возможность другого.

Герхард кивнул.

Они оба понимали, что именно в этом и заключалась трудность.

Генрих фон Плауэн в тот вечер принимал донесения из восточных комтурств.

В них говорилось о движении людей на границе, о прежних жемайтских связях с Витовтом, о состоянии укреплений и необходимости содержать достаточные силы для возможной угрозы. Большинство сведений не подтверждало приготовления к немедленной войне. Но и оснований для полного спокойствия не было.

Плауэн долго рассматривал карту.

Он помнил лето, когда после гибели Ульриха польско-литовская армия шла к Мариенбургу. Тогда каждый день промедления мог оказаться последним. Он спас столицу, потому что не стал ждать, пока кто-нибудь отдаст приказ. Теперь опыт подсказывал ему то же: угрозу следует встречать подготовленным.

Но Герхард постоянно говорил о деньгах. Города — о правах. Казначей — о долгах. Братья — о нехватке людей. Все они имели основания. И все предлагали решения, которые казались Плауэну недостаточными. В дверь постучали. Вошёл Герман Ганс.

— Господин великий магистр, советники снова обсуждают сокращение некоторых расходов.

Генрих повернулся.

— Знаю.

— Они считают, что финансовые обязательства перед Польшей должны иметь преимущество перед новыми военными приготовлениями.

— Я тоже считаю, что обязательства нужно исполнять.

— Но не готовы поддержать все ваши распоряжения.

Плауэн указал на карту.

— Если завтра у наших границ появится войско, им станет легче объяснить, почему мы не подготовились?

Ганс подошёл.

— Если завтра появится войско, будем защищаться. Но сегодня его нет.

— Именно поэтому сегодня можно готовиться.

Великий комтур некоторое время смотрел на обозначенные крепости.

— Мы оба хотим одного, Генрих.

Плауэн поднял глаза.

— Чего?

— Чтобы государство осталось сильным.

— Тогда почему спорим?

— Потому что ты видишь силу прежде всего в готовых гарнизонах, а я — ещё и в земле, способной эти гарнизоны содержать.

Генрих не ответил. Довод был неприятен своей очевидностью.

Он никогда не отрицал значения хозяйства. Но у него не получалось относиться к военной подготовке как к делу, которое можно отложить до появления свободных денег.

— Я не требую разорять страну, — сказал он.

— Знаю. Но люди уже разорены войной.

Плауэн подошёл к окну. Над внутренним двором горели факелы. На стенах дежурили караулы. Из конюшни доносился шум.

— Что предлагаешь?

Ганс назвал несколько расходов, которые можно сократить без непосредственного ослабления обороны. Затем предложил точнее распределить сроки остальных работ и отказаться от некоторых немедленных требований к городам.

Плауэн слушал.

Не всё принял. Но часть распоряжений согласился пересмотреть. Ганс уходил без удовлетворения. Он понимал, что великий магистр уступил в деталях, сохранив прежнее направление. Сам Плауэн считал разговор полезным. Он нашёл возможность сэкономить часть средств, не отказываясь от подготовки.

Оба остались при своём.

В начале зимы Герхард получил окончательные сведения о нескольких чрезвычайных сборах, согласованных в течение года.

Ведомости показывали, что значительная часть денег всё-таки поступила. С помощью этих средств Орден выполнял тяжёлые обязательства, поддерживал гарнизоны и продолжал восстанавливать хозяйство. С точки зрения казны это был успех. Но рядом лежали другие бумаги.

Жалобы городов.

Просьбы о послаблениях. Сообщения о долгах. Споры между орденскими служащими и местными властями. Требования подтвердить права и привилегии. Герхард разложил две стопки на столе. В одной находились поступившие деньги. В другой — всё, что пришлось обещать, разрешить, отсрочить или обсуждать ради их получения.

Младший писарь взглянул.

— Значит, сбор удался?

— Да.

— Тогда почему столько жалоб?

Герхард некоторое время смотрел на бумаги.

— Потому что для одних деньги уже получены, а для других расходы только начинаются.

Он велел соединить документы по каждому городу и комтурству. Не отделять сведения о платежах от жалоб на способы их взыскания. Если требовалось проверить, сколько внесло конкретное селение, рядом должны были находиться сведения о состоянии его хозяйств.

Младший писарь удивился.

— Раньше так не делали.

— Теперь будем.

Он не считал это великим преобразованием. Просто хотел, чтобы люди, принимающие решения, видели больше одной стороны дела.

Перед Рождеством в Данциге закончили укреплять ворота нового склада Хеннинга Бранта.

Помощник принёс последнюю ведомость расходов. Купец изучил её и обнаружил, что строительство обошлось дороже первоначального расчёта. Подорожали дерево, железо и работа плотников. Некоторые материалы приходилось доставлять издалека.

Он не стал ругаться.

Только подписал.

Маттиас удивился.

— Всё?

— А что ещё?

— Обычно вы спорите.

— С кем? С крышей?

Они вышли во двор.

Склад был меньше прежнего, зато сухой и удобный. Внутри уже лежала первая партия товара. Хеннинг прошёл вдоль стен, проверил дверь, остановился возле нового замка.

— Работать можно, — сказал он.

Маттиас кивнул.

Некоторое время они стояли молча. Потом помощник спросил:

— Думаете, в следующем году станет легче?

Хеннинг посмотрел на реку. Там стояли суда, готовившиеся к зимней стоянке. Люди переносили снасти, укрывали груз. На дальнем берегу виднелись огни.

— Если не начнётся новая война, — ответил он.

Маттиас хотел спросить, насколько это вероятно, но передумал.

Хеннинг заметил.

— Не знаю, — сказал он. — И великий магистр не знает.

— Тогда почему все готовятся?

— Потому что каждый боится, что другой начнёт первым.

Молодой человек задумался.

— Получается, подготовка может сама привести к войне?

Хеннинг посмотрел на него внимательнее.

— Может. Но отсутствие подготовки тоже не гарантирует мира.

Он запер склад. Ворота закрылись плотно, без скрипа. Купец проверил замок и передал ключ помощнику.

— Завтра начнём считать товар на весну.

В Мариенбурге Плауэн подписывал последние распоряжения перед рождественскими службами.

Один документ касался жалованья наёмникам. Другой — доставки зерна. Третий подтверждал отсрочку платежей для нескольких пострадавших селений. Четвёртый предписывал продолжить подготовку гарнизонов в восточных комтурствах. Герхард стоял рядом.

— Всё?

— На сегодня.

Старый служащий собрал бумаги. Плауэн заметил на его лице усталость.

— Тебе нужно отдыхать.

— Когда закончим с платежами.

— Тогда придётся ждать долго.

Герхард едва заметно улыбнулся.

— Значит, буду отдыхать понемногу.

Он направился к двери, но великий магистр остановил его.

— Герхард.

— Да?

— Сколько мы собрали за этот год?

Писарь назвал сумму по последней ведомости.

— А сколько ещё нужно?

Назвал другую.

Генрих кивнул.

Потом спросил:

— Сколько осталось недовольных?

Герхард поднял глаза.

— Этого мы не считали.

— Почему?

— Не знаю, как.

Плауэн некоторое время смотрел на него.

— Надо бы научиться.

Герхард не ответил. Вопрос был труднее любого денежного расчёта.

На рождественской службе в замковой церкви собрались братья, служащие, часть горожан и люди, прибывшие в Мариенбург по делам. Многие ещё помнили прошлое Рождество, когда война только закончилась и никто не знал, удастся ли заключить мир на приемлемых условиях.

Теперь мир существовал.

Замок стоял.

Великий магистр занимал своё место.

Хор пел.

Свечи освещали каменные стены и лица молящихся.

Маттиас фон Розенберг стоял среди братьев. Он уже не носил оружие каждый день, но оставался членом Ордена. Временами ему приходилось опираться на стену из-за внезапного головокружения. Сегодня он чувствовал себя хорошо.

Во время службы он заметил молодого брата, недавно прибывшего из западных владений. Тот с любопытством рассматривал внутреннее убранство церкви и, казалось, ещё не привык к величию Мариенбурга. Маттиас вспомнил себя до Грюнвальда.

Тогда замок казался ему главным доказательством силы Ордена. Он был уверен, что государство, способное построить такие стены, обладает почти неисчерпаемыми возможностями.

Теперь он знал, сколько труда требуется, чтобы доставить сюда одну телегу зерна, сколько людей нужно для ремонта одного моста и как быстро может исчезнуть гарнизон, который утром считался сильным. Он продолжал верить в Орден. Но его вера стала менее похожа на восхищение.

Больше — на обязанность.

После службы Плауэн задержался возле выхода из церкви. Люди проходили мимо, склоняя головы. Он отвечал короткими словами, иногда узнавал знакомых, спрашивал об их службе или здоровье. Герхард вышел одним из последних. Великий магистр остановил его.

— Завтра принесёшь последние городские письма.

— Принесу.

— И список расходов, которые можно перенести.

Герхард кивнул.

Генрих некоторое время молчал.

— Ты думаешь, мы слишком много требуем?

Старый служащий не ожидал вопроса. Он мог ответить осторожно. Напомнить о необходимости расходов, о состоянии казны, о сложностях войны. Но великий магистр спрашивал не об этом.

— Иногда, — сказал Герхард.

— А если будем требовать меньше?

— Возможно, не сможем сделать всего, что задумали.

— Значит, выбора нет.

Герхард посмотрел на него.

— Выбор есть. Только ни один не позволит получить всё сразу.

Плауэн отвёл взгляд. В конце коридора гасили свечи. Службы закончились, и замок возвращался к обычному порядку.

— Приходи утром, — сказал великий магистр.

Герхард поклонился и пошёл к выходу. Генрих остался один.

Генрих вернулся в свои покои, не зажигая всех свечей. У стены стоял дорожный сундук, ещё не убранный со времени осады. Он машинально проверил застёжку, хотя не собирался никуда ехать. Слова Герхарда о выборе возвращались к нему настойчивее, чем хотелось признать.

В мыслях всплыли не перечни сборов, а лица людей, говоривших с ним в последние недели: купец, требовавший расписки, комтур, просивший дать срок до жатвы, брат, уверявший, что гарнизон нельзя уменьшать. Никто не отрицал опасности, и всё же каждый видел её по-своему.

Плауэн раскрыл письмо, уже приготовленное для отправки, и перечёл последние строки. Там требовалось ускорить сбор средств. Он взял перо, задержался, потом приписал распоряжение отдельно проверить убытки тех деревень, которые не успели восстановиться после войны.

За окном падал снег. Мариенбург казался спокойным: караулы сменялись вовремя, в конюшнях подсыпали подстилку, из кухонь тянуло горячим хлебом. Великий магистр прижал лист ладонью, чтобы просохли чернила, и только после этого сложил его.

Он не отказался от своих требований. Но теперь рядом с суммой, которую надлежало собрать, стояли люди, которым предстояло её заплатить.

Глава 3. Магистр, который не хотел мира

Мариенбург. Начало 1412 года.

Зима задержалась на дорогах дольше, чем ожидали. В начале марта на открытых местах уже чернела земля, по склонам стекала талая вода, а возле лесов по-прежнему лежал плотный,

слежавшийся снег. Днём колёса проваливались в размокшую почву, ночью грязь схватывало морозом. Возчики ругали погоду, купцы подсчитывали потери от задержек, а начальники гарнизонов жаловались на то, что обещанные припасы не приходят вовремя.

В Мариенбурге на погоду смотрели иначе.

Каждый день, в который тяжёлые обозы не могли свободно двигаться по дорогам, оставлял великому магистру несколько дополнительных недель для работы. Генрих фон Плауэн не рассчитывал, что весеннее бездорожье сохранит мир. Но он знал, насколько трудно собрать и передвинуть большое войско, когда лошади вязнут по колено, а повозки приходится вытаскивать из колеи при помощи людей.

На его столе лежали два донесения.

Первое сообщало о состоянии укреплений на восточной границе. Второе касалось денежных обязательств, которые Орден ещё должен был исполнить по условиям Торуньского мира. Плауэн прочитал их в обратном порядке.

Сначала деньги.

Потом укрепления.

Он давно заметил, что любое военное решение теперь начиналось не с карты, а с казначейской ведомости. Раньше можно было спорить, где собрать людей, какую дорогу выбрать и сколько провианта понадобится на поход. Теперь прежде всего приходилось спрашивать, найдутся ли средства для содержания тех, кого собираются призвать.

Казначей прислал подробный расчёт. Часть обязательств уже была выполнена, другие оставались непогашенными. Некоторые выплаты обеспечивались ожидаемыми поступлениями, но денег ещё не получили. Городские советы продолжали обсуждать чрезвычайные сборы. Комтуры просили отсрочки для разорённых земель. Должники Ордена не торопились возвращать займы, а собственные кредиторы требовали расчёта.

Генрих отложил ведомость и раскрыл второе донесение. Там говорилось о людях.

Гарнизоны восстанавливались, но опытных братьев всё ещё не хватало. В нескольких замках командование пришлось поручить тем, кто раньше занимал более скромные должности. Часть наёмников соглашалась продолжать службу лишь при условии своевременной выплаты жалованья. Запасы продовольствия постепенно увеличивались, однако конского корма и исправных повозок оставалось меньше необходимого.

Плауэн прочитал оба документа ещё раз. В каждом содержалась только часть положения.

Если рассматривать одну казну, следовало сокращать расходы. Если смотреть только на границы, требовалось увеличивать гарнизоны. Если слушать города, необходимо было уменьшить повинности. Если принимать во внимание польско-литовский союз, осторожность требовала готовиться к худшему.

Он взял перо и на свободном листе написал распоряжение великому маршалу Михаэлю Кюхмайстеру представить новый расчёт сил, которые можно собрать без ущерба для постоянных гарнизонов. Затем позвал Герхарда.

Старый служащий вошёл с папкой, в которой находились письма из западных владений Ордена и сообщения о дипломатических переговорах.

— Из Силезии? — спросил Плауэн.

— Есть сведения о предстоящих встречах и о посредничестве короля Сигизмунда.

Генрих протянул руку. Герхард положил перед ним письмо.

Плауэн читал медленно. Переговоры с участием Сигизмунда Люксембургского представлялись возможностью добиться более благоприятного толкования условий мира. Однако посредничество ещё не означало поддержки. Государь, заинтересованный в сохранении равновесия между соседями, мог предпочесть компромисс, который не устраивал ни одну сторону.

— Подготовь все грамоты, касающиеся Жемайтии, — сказал великий магистр. — И документы по границам.

— Все?

— Те, на которые мы можем ссылаться.

Герхард не двинулся.

— Их много.

— Тем лучше.

— Не всегда.

Плауэн поднял глаза.

— Почему?

— Потому что одни и те же земли упоминаются в договорах, заключённых при разных обстоятельствах. Если предъявить всё сразу, противная сторона найдёт среди них то, что выгодно ей.

Генрих помолчал.

— Тогда подготовь перечень и отметь противоречия.

Герхард переписал распоряжение на отдельный лист.

Такой приказ был ему понятнее. Он собирался уходить, когда великий магистр остановил его:

— Как ты считаешь, Сигизмунд поможет?

Герхард не сразу ответил.

— Поможет вести переговоры.

— Я спрашиваю не об этом.

— Знаю.

Старый служащий подошёл к столу и осторожно развернул лежавшую там карту.

— Сигизмунду не нужен Орден, уничтоженный Польшей. Но и война, способная нарушить положение в этой части Европы, ему не нужна. Он будет защищать прежде всего собственные интересы.

Плауэн посмотрел на карту.

— Значит, нам следует сделать так, чтобы наши интересы совпали.

— Хотя бы в главном.

Великий магистр отпустил его. Герхард вышел, а Генрих остался над письмом.

Он не считал Торуньский мир справедливым. Орден сохранил большую часть Пруссии и избежал территориального разгрома, но его положение стало зависеть от чужой доброй воли сильнее, чем прежде. Жемайтия была уступлена Ягайло и Витовту на срок их жизни, денежные обязательства истощали казну, а сама необходимость постоянно оправдывать действия Ордена перед европейскими государями казалась Плауэну унизительной.

При этом он не отрицал силы договора. Его печать стояла на документе. Он собирался исполнять принятые обязательства. Но выполнение мира и признание его окончательным порядком были для него разными вещами.

Михаэль Кюхмайстер прибыл в Мариенбург через несколько дней.

Великий маршал был человеком, которого трудно было удивить сообщением о нехватке людей. Он хорошо знал восточные земли Ордена, служил в Жемайтии и видел, как быстро письменные договорённости теряют значение там, где местное население не признаёт власть, от имени которой они заключены. Во время недавней войны он столкнулся с последствиями того, что хорошо подготовленное решение может оказаться несостоятельным уже после первого столкновения с действительностью.

Он не любил пространных объяснений. В разговоре с Плауэном предпочёл сразу перейти к ведомостям.

— Сколько можно собрать? — спросил великий магистр.

Кюхмайстер назвал число, затем указал, что оно относится ко всем потенциально доступным силам, а не только к людям, готовым выступить немедленно.

— Почему такая разница?

— Потому что один человек находится в замке, другой должен приехать из комтурства, третий служит за жалованье, которое ему ещё не выплатили. Если посчитать их вместе, получится войско на бумаге.

Генрих раскрыл список.

— Мне нужны люди, которые выступят.

— Тогда число будет меньше.

— Насколько?

Маршал показал соответствующую строку.

Плауэн нахмурился.

— Ты слишком осторожен.

— Возможно. Но я предпочитаю ошибиться в меньшую сторону сейчас, а не обнаружить недостающих людей перед сражением.

Великий магистр отложил лист.

Кюхмайстер поставил отметку напротив рот, которым ещё не выплатили жалованье. Генрих задержал палец на этой строке и потребовал показать расположение крепостей, нуждавшихся в подкреплении.

— Какие крепости требуют немедленного усиления? — спросил Генрих.

Маршал назвал несколько пограничных пунктов.

— А если потребуется наступление?

Кюхмайстер взглянул на него.

— В каком направлении?

— Это зависит от обстоятельств.

— Тогда прежде нужно определить обстоятельства. Войско, которое собирают для защиты Кёнигсберга, и войско для похода к польской границе требуют разного снабжения.

Плауэн поднялся.

— Ты считаешь, что мы не сможем наступать?

— Считаю, что сейчас нам труднее наступать, чем защищаться.

— После Мариенбурга ты должен знать, что оборона не всегда спасает положение.

— Знаю. Но под Мариенбургом мы защищали крепость, которую противник должен был взять. В походе нам придётся самим искать противника и содержать людей в поле.

Генрих прошёл к окну.

Он не сомневался в храбрости маршала. Кюхмайстер умел распоряжаться войсками и не принадлежал к числу людей, которые отступают перед трудным приказом. Тем неприятнее было слышать от него столь подробное объяснение собственной слабости.

— Я не собираюсь завтра выступать против Польши, — сказал великий магистр.

— Тогда у нас есть время подготовиться.

— Именно этого я и требую.

Кюхмайстер склонил голову. На этом разговор мог закончиться. Но Генрих вернулся к столу.

— Скажи, Михаэль, ты веришь, что Ягайло оставит нас в покое?

Маршал некоторое время размышлял.

— Если ему выгоден мир — оставит.

— А если нет?

— Тогда начнёт искать повод изменить положение.

— Вот почему я не могу ждать.

Кюхмайстер не возразил сразу.

Он понимал рассуждения великого магистра. Польско-литовский союз был опасным противником. Грюнвальд показал, что Орден не может рассчитывать на привычное превосходство.

Но маршал задавал себе другой вопрос: означает ли это, что новая война принесёт Ордену больше выгоды, чем несколько лет восстановления?

— Готовиться необходимо, — сказал он наконец. — Но выбирать время войны следует не только по намерениям противника. Нужно смотреть и на собственные силы.

Плауэн принял ответ внешне спокойно. Они продолжили обсуждать гарнизоны.

Однако после совещания великий магистр распорядился отдельно подготовить сведения о возможностях быстрого сбора войск на западной границе. Кюхмайстер узнал об этом не сразу.

В Данциге Хеннинг Брант получил письмо от своего торгового партнёра из Торна, когда по реке начали идти первые суда после зимнего перерыва.

Письмо содержало сведения о ценах на зерно, воск и соль, но в конце находилось несколько строк о политических переговорах. Говорили, что великий магистр рассчитывает добиться пересмотра некоторых условий мира при посредничестве Сигизмунда. Купцы обсуждали, насколько это может повлиять на торговлю.

Хеннинг прочитал письмо за завтраком. Жена заметила, что он остановился и больше не притрагивается к еде.

— Что там?

— Мир опять обсуждают.

— Разве его не заключили?

— Заключили.

— Тогда что обсуждать?

Хеннинг положил письмо.

— Видимо, недостаточно хорошо заключили.

Она посмотрела на него с недоверием.

— Для кого?

— Вот именно.

Он встал и подошёл к окну.

Во дворе стояли две телеги, гружённые мешками. Рабочие проверяли крепления. Маттиас разговаривал с возчиком, указывая на повреждённое колесо. Сквозь открытые ворота был виден угол нового склада.

Хеннинг только начал возвращать себе прежнее положение. Торговля оживала, появлялись новые заказы. Но кредиторы ещё напоминали о долгах, а часть товара приходилось отправлять с меньшей прибылью, чем до войны. Он не хотел новой войны.

Даже выгодной для Ордена. Особенно теперь, когда последствия прежней наконец стали поддаваться расчёту.

— Ты собираешься писать в Мариенбург? — спросила жена.

— Напишу Герхарду.

— Он может что-нибудь изменить?

Хеннинг задумался.

— Не знаю. Но хотя бы скажет, насколько серьёзны разговоры.

За завтраком они больше не обсуждали политику. Вечером купец сел за письмо.

Он сообщил о восстановлении торговли, о новых договорах и задержанных платежах. Затем осторожно спросил, ожидаются ли военные приготовления, способные повлиять на перевозки и цены. В конце добавил несколько строк от себя:

«Я понимаю необходимость крепких замков и исправных дорог. Но каждый, кто хочет снова собрать войско, должен помнить, что лошадей и хлеб для него предстоит взять у людей, которые ещё не расплатились за прошлое лето».

Он перечитал написанное. Потом запечатал письмо.

Весной Плауэн получил известия о переговорах во Вроцлаве.

Сигизмунд Люксембургский выступал посредником, и сама возможность обсуждать спорные вопросы перед внешним арбитром представлялась великому магистру важной. Орден рассчитывал убедить европейских правителей, что его положение после войны остаётся несправедливым, а притязания Польши и Литвы требуют ограничения.

Но первые сообщения не приносили того удовлетворения, которого ожидали в Мариенбурге. Герхард наблюдал, как великий магистр читает донесение. На лице Плауэна не появилось ни удивления, ни гнева. Только взгляд стал жёстче.

— Они собираются рассматривать условия мира как основу дальнейших переговоров, — сказал он.

— Да.

— А наши прежние права?

— Их готовы обсуждать.

— Обсуждать — не значит признавать.

— Не значит.

Плауэн положил письмо на стол.

— Значит, нам снова придётся доказывать то, что уже подтверждено грамотами.

Герхард видел, что великий магистр раздражён не столько конкретным ответом, сколько самой постановкой вопроса. Орден привык ссылаться на документы, заключённые и подтверждённые правителями, папами и императорами. Но война показала, что наличие грамот не гарантирует исполнения их положений.

Теперь требовалось договариваться о том, как эти грамоты будут пониматься.

— Подготовь ответ нашим представителям, — распорядился Плауэн. — Пусть настаивают на рассмотрении всех прежних обязательств Витовта.

Герхард склонил голову.

— И вопрос границ?

— Особенно границ.

Он подвинул карту.

На востоке обозначалась Жемайтия. Отдельные крепости, дороги и участки спорной земли были нанесены различными чернилами. Герхард хорошо знал эту карту. За многие годы она менялась не раз: появлялись новые линии, исправлялись старые названия, отмечались замки, которые переходили из рук в руки.

— Великий магистр, — осторожно произнёс он, — Жемайтия сейчас находится под властью Витовта.

— Я знаю.

— И договор определяет срок этой власти.

— Знаю и это.

Герхард замолчал.

Плауэн сам закончил мысль:

— Ты хочешь сказать, что нам следует ждать.

— Хочу сказать, что спор о границах не должен превращаться в спор о немедленном возвращении всей земли.

Генрих посмотрел на него.

— Если мы не защитим свои права теперь, позднее их станет труднее отстаивать.

— Возможно. Но если начнём требовать того, что противники не готовы уступить, переговоры остановятся.

Великий магистр некоторое время стоял перед картой. Потом сказал:

— Поэтому переговоры и ведут люди, умеющие выбирать слова.

Герхард понял, что разговор закончен. Он ушёл готовить письма.

В Кёнигсберге Кюхмайстер получил распоряжение усилить сбор сведений о дорогах и возможностях размещения войск.

Маршал находился среди людей, которые хорошо знали литовскую границу. Он не доверял красивым картам без пояснений о состоянии переправ. Даже точное расстояние между замками мало помогало, если весной река выходила из берегов или лесная дорога становилась непроходимой для обозов.

Он вызвал нескольких служилых людей, ездивших по восточным землям.

Один рассказывал о мосте, который ещё зимой считался исправным. Другой сообщил о деревне, где не хватало фуража. Третий уверял, что дорога через болотистый участок вполне пригодна для конницы, но признал, что тяжёлые повозки по ней давно не ходили.

Кюхмайстер велел записать всё отдельно. Вечером к нему пришёл старший брат из одного пограничного замка.

— Говорят, великий магистр хочет выступать против поляков.

Маршал поднял голову.

— Кто говорит?

— Люди.

— Какие?

— Те, кто получает распоряжения.

Кюхмайстер закрыл книгу.

Он не любил слухов, но понимал, откуда они возникают. Комтурства получали требования готовить людей, проверять снабжение, укреплять склады. После недавней войны такие распоряжения неизбежно вызывали тревогу.

— Великий магистр требует готовности, — ответил он.

— К чему?

— К защите государства.

Брат помолчал.

— Тогда почему спрашивают о дорогах к польской границе?

Кюхмайстер посмотрел на него внимательно.

— Потому что хорошие командиры знают дороги не только внутри собственных владений.

Он произнёс это спокойно. Но когда брат ушёл, маршал вернулся к распоряжению Плауэна и перечитал его. Великий магистр не требовал выступления.

На следующий день Михаэль вышел во двор проверить обоз, собиравшийся к пограничным замкам. Из шести лошадей две ступали тяжело; у одной кожа под хомутом была стёрта до крови. Конюх пытался затянуть ремень выше раны, чтобы на осмотре повреждение осталось незаметным. Маршал остановил его и велел снять упряжь.

— Эти лошади должны быть на дороге завтра, — возразил старший возчик. — Так написано в приказе.

— Завтра они не дойдут и до первой переправы.

Возчик показал расписание, аккуратно переписанное из канцелярии. В нём были указаны дни и стоянки, но не нашлось места для усталой лошади. Михаэль попросил назвать запасных животных. Их не оказалось. Тогда он распорядился отправить только часть груза, а остальное доставить позже, после замены упряжи.

Возчик спросил, как объяснять задержку в Мариенбурге. Кюхмайстер взял перо и написал причину своей рукой. Он привык нести ответственность за военные решения. Но теперь понимал: одно дело — отказаться губить пару лошадей, другое — остановить подготовку, которой великий магистр придавал всё большее значение.

Пока.

Он просил подготовить сведения.

И всё же Михаэль впервые ясно почувствовал, что между его осторожностью и намерениями Плауэна возникает расстояние, которое одними донесениями уже не сократить.

Летом 1412 года Герхард отправился в одно из комтурств, где возникли затруднения с исполнением чрезвычайных сборов.

Он редко покидал Мариенбург надолго. Возраст давал о себе знать, а работа в канцелярии требовала ежедневного присутствия. Но на этот раз он сам попросил разрешения поехать. Из донесений нельзя было понять, почему два соседних округа, имевшие приблизительно одинаковые земли и число дворов, показывали столь разные доходы.

В одном выплаты поступали относительно исправно. В другом постоянно просили отсрочки. Герхард хотел увидеть причину.

Дорога заняла несколько дней. Ночевали в небольших замках, у местных священников, иногда в домах зажиточных хозяев. Писарь, сопровождавший его, жаловался на холодные помещения и неудобные постели. Герхард переносил путешествие молча.

В одном из селений они остановились возле мельницы.

Мельник, плотный мужчина с обветренным лицом, показывал новую водяную заслонку. Старую разрушило во время военных передвижений, и мельница долго стояла. Теперь её исправили, но задолженность за ремонт ещё не была погашена.

— Сколько зерна перемололи за этот год? — спросил Герхард.

Мельник назвал количество.

— Меньше прежнего?

— Значительно.

— Почему?

— Некому было привозить.

Он объяснил, что несколько хозяйств потеряли лошадей, другие оставили часть полей незасеянными. Некоторые крестьяне вернулись к работе лишь весной. Люди ещё не успели восстановить прежние запасы, поэтому на мельницу везли меньше зерна.

Герхард попросил показать книги.

Мельник удивился.

— Вы будете читать мои записи?

— Да.

Тот принёс толстую тетрадь.

Герхард просмотрел даты, суммы и количество зерна. Записи в целом совпадали с рассказом хозяина. Особенно заметным был перерыв, когда мельница не работала. В ведомостях комтурства эта потеря учитывалась лишь частично.

— Сколько ещё нужно, чтобы рассчитаться с плотниками? — спросил Герхард.

Мельник назвал сумму. Старый служащий записал её. Потом они поехали дальше.

В соседней деревне выяснилось, что несколько дворов оставались пустыми. В других жили родственники прежних хозяев. Некоторые поля обрабатывались совместно, потому что не хватало тяглового скота. Местный управляющий уверял, что люди выполняют повинности хуже, чем раньше.

Герхард попросил показать, сколько дворов числилось в книгах до войны.

Управляющий назвал.

— А сколько обрабатывают землю сейчас?

Число оказалось меньше.

— Тогда почему ты требуешь прежнюю общую сумму?

— Потому что так записано.

Герхард долго смотрел на него.

— Записано для прежнего числа дворов.

Управляющий начал объяснять, что не имеет права самовольно уменьшать поступления.

— И правильно, — согласился Герхард. — Но ты имеешь обязанность сообщать, когда положение меняется.

Он велел составить новый перечень хозяйств, указав состояние каждого.

Вечером, сидя за столом в гостевой комнате небольшого замка, Герхард понял, что поездка дала больше, чем предполагал. Проблема заключалась не только в нехватке денег. Некоторые служащие продолжали управлять разорёнными землями по книгам, составленным до войны.

Ведомости оставались прежними. Люди — нет. Он написал Плауэну подробное письмо. Не просил отменить сборы. Предлагал учитывать действительное состояние хозяйств и пересматривать обязательства там, где прежние расчёты потеряли смысл.

Ответ великого магистра пришёл через несколько дней.

Плауэн соглашался с необходимостью проверки, но требовал, чтобы послабления не превращались в общий отказ от платежей. Комтуры должны были различать действительные убытки и попытки уклониться от повинностей. Герхард прочитал письмо дважды.

Оно было написано рукой писаря, но отдельные замечания великий магистр добавил собственноручно. В одном месте стояла короткая фраза:

«Нельзя восстановить государство, если каждый будет ссылаться только на собственную нужду».

Герхард задумался.

Он мог бы ответить, что нельзя восстановить государство и в том случае, если не замечать этой нужды. Но подобный ответ ничего не изменил бы. Плауэн понимал положение крестьян, просто не мог считать его единственным основанием для решения.

Старый служащий сложил письмо.

На следующий день он продолжил проверку.

Осенью, когда переговоры о денежных обязательствах вновь потребовали внимания сословий, в Мариенбург съехались представители городов и рыцарства. Генрих фон Плауэн решил сделать шаг, который ещё недавно показался бы многим орденским братьям чрезмерной уступкой.

Он согласился привлечь представителей прусских сословий к постоянному обсуждению части государственных дел. Речь шла о советниках, связанных присягой и призванных помогать великому магистру в вопросах, затрагивающих интересы страны.

Для Плауэна это не означало отказа от верховной власти.

Он видел в новом порядке способ добиться доверия, без которого дальнейшие чрезвычайные сборы становились почти невозможными. Если землевладельцы и горожане получат возможность обсуждать решения заранее, им труднее будет отрицать ответственность за их исполнение.

Но среди братьев Ордена новшество вызвало разные чувства. Одни считали его разумным. Другие опасались, что представители городов начнут вмешиваться в дела, которыми прежде распоряжались исключительно орденские власти. На совещании Герман Ганс внимательно выслушал объяснения Плауэна.

— Ты хочешь, чтобы они помогали нам решать государственные вопросы? — спросил он.

— Хочу, чтобы люди, от которых мы требуем чрезвычайных средств, понимали, для чего они нужны.

— А если они станут спорить о том, как эти средства расходовать?

— Тогда будут спорить здесь, а не отказываться платить у себя дома.

Ганс задумался.

— Они получат влияние.

— Влияние уже есть. Только сейчас оно выражается отказами, жалобами и задержками.

Великий комтур не стал возражать. Плауэн продолжил:

— Я предпочитаю слышать неприятное мнение человека, который находится передо мной, а не узнавать его через месяц из письма о невыполненном распоряжении.

Герхард, присутствовавший при разговоре, поднял глаза. Он не ожидал услышать подобное от великого магистра. Генрих заметил его взгляд.

— Ты удивлён?

— Немного.

— Почему?

— Потому что ещё весной вы говорили о необходимости прежде всего требовать исполнения.

— И теперь говорю.

Плауэн подвинул бумаги.

— Но если для исполнения необходимо объяснить решение, значит, будем объяснять.

Герхард кивнул.

Он впервые за долгое время почувствовал осторожную надежду, что тяжёлые обстоятельства могут заставить Орден изменить некоторые привычки без разрушения самого порядка. Однако он не был уверен, насколько далеко великий магистр готов пойти по этому пути.

В конце октября в Мариенбурге обсуждали порядок участия новых советников в управлении.

Среди приглашённых находились представители рыцарства и городов. Они прибывали с разными ожиданиями. Землевладельцев интересовали повинности, суд и отношения с комтурами. Городские представители хотели ясности в торговых вопросах, налогах и подтверждении привилегий.

Плауэн принимал их серьёзно.

Он не позволял превращать совещание в бесконечный перечень жалоб, но и не отвергал вопросов только потому, что они исходили от людей, не принадлежавших к Ордену. В одном из заседаний возник спор о расходах на содержание наёмных войск.

Представитель Торна спросил, почему государство продолжает нанимать людей, если мир заключён. Великий магистр ответил, что мир не отменяет необходимости защищать замки и границы.

— Мы этого не отрицаем, — сказал городской посол. — Но хотим знать, сколько требуется для защиты и сколько — для приготовлений, которые могут вызвать новую войну.

В зале стало тихо. Плауэн медленно повернулся к нему.

— Кто говорит о новой войне?

— Говорят люди, которые видят сборы, закупки оружия и новые требования к городам.

— Значит, люди делают выводы, не располагая всеми сведениями.

— Потому мы и спрашиваем.

Генрих некоторое время смотрел на посла.

Его раздражала настойчивость, с которой тот пытался разделить оборону и подготовку к наступлению. В военном отношении такое различие часто было условным. Сильный гарнизон мог защищать крепость, а мог стать частью войска, выступающего за границу. Склад продовольствия требовался и для обороны, и для похода.

Но городской представитель говорил не об устройстве войны. Он говорил о том, что городам предстоит оплачивать решения, последствия которых они не могут оценить.

— Состояние наших гарнизонов будет представлено совету в той мере, в какой это не наносит ущерба безопасности, — сказал Плауэн.

Посол склонил голову. Спор закончился без конфликта. После заседания Герхард заметил, что великий магистр долго рассматривает список присутствовавших.

— Вы недовольны?

— Они хотят знать больше, чем прежде.

— Да.

— И будут спрашивать ещё.

— Вероятно.

Плауэн положил список.

— Тогда пусть привыкают отвечать и за собственные предложения.

Герхард не понял, к чему он ведёт.

— Если они считают, что можно содержать меньше войск, — продолжил великий магистр, — пусть представят расчёт. Если требуют сократить расходы, пусть укажут, от чего следует отказаться. Я не собираюсь запрещать им возражать. Но не позволю превращать каждое возражение в способ снять с себя ответственность.

Старый служащий посмотрел на него с уважением. Такой подход был разумен.

Но он знал, что окончательная проверка наступит лишь тогда, когда советы сословий действительно вступят в противоречие с решением великого магистра. Пока все ещё могли надеяться на компромисс.

В начале зимы из Силезии и имперских земель продолжали поступать сведения о положении дипломатических дел.

Плауэн внимательно следил за решениями Сигизмунда. Он рассчитывал использовать посредничество для укрепления прав Ордена и смягчения последствий войны. Но сама необходимость вести долгие переговоры раздражала его всё сильнее. Он привык мыслить действиями, которые можно было выполнить в определённый срок.

Письмо отправлено.

Отряд выступил.

Замок укреплён.

Гарнизон получил приказ.

Дипломатия двигалась иначе. Ответ приходил через недели или месяцы. Предложение требовало согласования. Затем появлялись новые условия, и всё начиналось снова. Герхард однажды застал великого магистра за чтением нескольких писем, разложенных в порядке дат.

Плауэн указал на одно из них.

— Здесь обещали рассмотреть вопрос.

Затем на другое.

— Здесь снова предлагают обсуждать.

Третье он поднял почти с досадой.

— А здесь спрашивают, согласны ли мы ждать.

Герхард не нашёл нужным отвечать сразу.

— Я не могу построить государство на ожидании чужих решений, — сказал Генрих.

— Но и отказаться от переговоров мы не можем.

— Не собираюсь.

Он отложил письма.

— Просто нужно помнить, что за словами должна стоять сила.

Герхард сел напротив.

— И что сила требует денег.

Плауэн устало улыбнулся.

— Ты не позволяешь мне забыть об этом ни одного дня.

— Потому что казначей напоминает мне каждое утро.

Они некоторое время молчали. Великий магистр неожиданно спросил:

— Как живёт твой данцигский купец?

— Хеннинг?

— Да.

— Строит, торгует, спорит о долгах.

— Как все купцы.

— Не совсем.

Герхард рассказал о новом складе, о возобновившихся поставках и о том, как осторожно Хеннинг теперь относится к любому слуху о войне. Плауэн слушал без особого интереса, пока не услышал о восстановлении склада, сгоревшего во время обороны Мариенбурга.

— Он тогда потерял много?

— Почти всё, что хранил здесь.

— И снова торгует с нами?

— Да.

Плауэн задумался.

— Значит, верит, что мы удержим дороги.

— Верит, что торговля возможна. Это не совсем одно и то же.

Великий магистр посмотрел на него. Герхард продолжил:

— Он не хочет, чтобы мы ослабли. Но и новой войны не хочет.

— Никто не хочет войны, когда приходится за неё платить.

— Именно.

Генрих отвернулся к окну.

Зимой Кюхмайстер прибыл в Мариенбург с очередным докладом.

Великий маршал привёз сведения о гарнизонах, обучении людей и состоянии военных запасов. За прошедшие месяцы положение несколько улучшилось. Отдельные замки получили необходимое продовольствие, часть раненых вернулась к службе, удалось восстановить несколько важных дорог.

Но маршал не скрывал ограничений.

— Мы можем защищать ключевые крепости, — сказал он. — При своевременных поставках и достаточных средствах.

— А выставить полевое войско?

Кюхмайстер назвал приблизительное число. Плауэн внимательно выслушал.

— Лучше, чем весной.

— Да.

— Значит, работа приносит результат.

— Приносит.

Великий магистр прошёл к карте.

— Если противник начнёт собирать силы у границы, сколько времени потребуется для выступления?

Маршал ответил.

Генрих указал на несколько дорог.

— А если выступить раньше него?

Кюхмайстер помолчал.

— Нужно знать, куда и зачем.

— Чтобы не позволить ему сосредоточить превосходящие силы.

— Тогда потребуется точное известие о его намерениях.

— Разумеется.

Маршал посмотрел на великого магистра.

За последний год он много раз слышал от него рассуждения о необходимости подготовки. Теперь в этих рассуждениях всё чаще появлялась мысль о преимуществах первого удара. Она не была новой для Ордена. Но после Грюнвальда приобретала иной смысл.

— Господин великий магистр, — сказал Кюхмайстер, — я должен предупредить: если мы выступим первыми и не добьёмся быстрого результата, противник получит основание собрать против нас большие силы.

— А если будем ждать, он соберёт их без нашего участия.

— Возможно. Но пока мир действует, нам нужно использовать его.

Плауэн повернулся.

— Я использую.

— Для восстановления государства.

— Именно.

Кюхмайстер хотел что-то добавить, но остановился.

Он понимал, что спорить дальше бессмысленно. Великий магистр видел в военной готовности условие прочного мира. Маршал опасался, что сама подготовка к решительному столкновению постепенно сделает такое столкновение неизбежным. Оба рассуждали о сохранении Ордена.

Но каждый представлял себе опасность с другой стороны.

Поздно вечером Герхард возвращался в канцелярию, когда заметил Михаэля Кюхмайстера у окна в длинном коридоре.

Маршал стоял без плаща, держа руки за спиной. За стеклом темнел двор. Слышались шаги караула и отдалённые голоса людей, возвращавшихся в казармы.

— Не спится? — спросил Герхард.

Кюхмайстер обернулся.

— Ещё не ложился.

Старый служащий остановился рядом.

Они давно знали друг друга, хотя редко говорили без свидетелей. Герхард ценил маршала за точность донесений. Кюхмайстер уважал старого служащего за способность сохранять порядок среди документов, которые порой становились запутаннее военных распоряжений.

— Великий магистр доволен твоим отчётом, — сказал Герхард.

— Рад слышать.

Но голос маршала не выражал радости. Герхард посмотрел на него.

— Что-то не так?

Кюхмайстер некоторое время молчал. Потом спросил:

— Ты считаешь, что Орден готов к новой войне?

Старый служащий не ожидал такого вопроса.

— Война бывает разной.

— Допустим, большая. Против Польши и Литвы.

Герхард посмотрел в темноту.

— Нет.

Кюхмайстер кивнул.

Ответ был слишком простым, чтобы его оспаривать.

— А если пройдёт ещё год? — спросил он.

Герхард задумался.

— Будем сильнее. Если деньги поступят, если урожай окажется хорошим, если города не начнут новых споров и если удастся удержать людей на службе.

— Слишком много условий.

— Государство всегда зависит от них. Просто раньше мы могли позволить себе их не замечать.

Маршал слегка повернул голову.

— Генрих уверен, что ожидание работает против нас.

— Возможно, в чём-то он прав.

— А в чём ошибается?

Герхард долго не отвечал. Он не любил обсуждать решения великого магистра с другими сановниками. Особенно когда вопрос касался возможной войны. Но Кюхмайстер не просил его о тайном совете. Он пытался понять, насколько велика опасность.

— Великий магистр видел, как медлить нельзя, — сказал наконец Герхард. — Под Мариенбургом каждое промедление могло стоить крепости. Он принял решение, действовал быстро и спас столицу. Теперь ему трудно поверить, что иногда лучший способ сохранить государство — не торопиться.

Кюхмайстер медленно кивнул.

— А ты веришь?

— Я вижу, сколько времени требуется, чтобы поле снова дало хлеб, а город восстановил торговлю. Это не значит, что противник согласится ждать.

Маршал опустил голову. Они ещё некоторое время стояли молча. Потом Кюхмайстер сказал:

— Если придёт приказ выступать, я его исполню.

Герхард посмотрел на него. Маршал продолжил:

— Но прежде должен сказать великому магистру всё, что считаю необходимым. Даже если ему не понравится.

— Это твоя обязанность.

— Иногда кажется, что её труднее исполнить, чем приказ.

Герхард ничего не ответил. Кюхмайстер простился и ушёл. Старый служащий остался у окна. Ему не понравился этот разговор.

Не потому, что маршал говорил о неповиновении. Напротив, он подчёркивал готовность служить. Но Герхард впервые почувствовал, насколько различными становятся представления высших сановников о том, что именно означает верность Ордену.

В последние дни декабря Мариенбург был занят подготовкой к новому году.

На складах пересчитывали остатки зерна, в казне подводили итоги платежей, комтуры присылали сведения о гарнизонах. Из городов продолжали поступать письма с просьбами подтвердить права и пересмотреть отдельные обязанности. Советники из числа прусских сословий ожидали новых совещаний.

Генрих фон Плауэн получил большую ведомость финансового положения.

В ней было видно, какой ценой Ордену удалось продвинуться в исполнении мирных обязательств. Денег собрали много, но вместе с ними накопились новые долги и требования. Городские советы теперь участвовали в обсуждении государственных расходов заметно активнее. Некоторые землевладельцы открыто говорили о необходимости ограничить произвольные распоряжения орденских служащих.

Великий магистр прочитал отчёт без выражения. Затем попросил принести карту.

Он долго рассматривал владения Ордена, отметки замков и дороги к границам. На востоке находилась Жемайтия. На юге — земли польской короны. Между ними располагалась Пруссия, сохранившая свои крепости, города и хозяйство, но ещё не восстановившая прежних возможностей.

Плауэн подошёл к окну.

Из внутреннего двора доносился стук молотков. Плотники продолжали ремонт. Возле ворот разгружали обоз. Люди проходили по двору, не обращая внимания на то, что великий магистр наблюдает за ними сверху. Он видел перед собой государство, спасённое после величайшего поражения.

И не мог считать спасение завершённым делом. В дверь вошёл Герхард с последними документами.

— На сегодня ещё много?

— Несколько писем и два распоряжения.

— Давай.

Старый служащий положил бумаги на стол.

Плауэн сел.

Первое письмо касалось расходов на восстановление крепости. Второе — жалоб одного города. Третье — дипломатических переговоров. Четвёртое — состояния гарнизона.

Он читал и подписывал, задавая вопросы только там, где сведения казались неполными. Герхард отвечал, делал отметки, убирал законченные документы. Когда работа подошла к концу, великий магистр неожиданно спросил:

— Ты доволен тем, что мы сделали за этот год?

Герхард задумался.

— Мы выплатили значительную часть обязательств, восстановили многие хозяйства, вернули людей на службу. Дороги стали лучше. Торговля оживает.

— Значит, доволен?

— Для одного года это немало.

Плауэн посмотрел на карту.

— Мне кажется, что слишком мало.

— Потому что вы смотрите на то, что ещё нужно сделать.

— А ты?

— На то, что удалось сохранить.

Генрих усмехнулся.

— Ты всегда находишь способ не ответить прямо.

Герхард позволил себе улыбнуться.

— Я ответил.

Великий магистр поднялся.

— Через год мы должны быть сильнее.

— Если сможем сохранить мир.

Плауэн остановился.

— Если станем сильнее, мир будет надёжнее.

Герхард ничего не сказал.

Перед ним стоял человек, который спас Мариенбург своей решительностью и теперь пытался той же решительностью вернуть Ордену прежнее положение. Его доводы были понятны. Он не собирался нападать ради славы и не мечтал повторить походы, принёсшие Ордену столько бедствий. Но он не верил, что государство может чувствовать себя защищённым, пока его безопасность зависит от намерений Ягайло и Витовта.

Герхард же всё чаще думал о другом. Каждая неделя мира приносила хлеб, товары, новые доходы, восстановленные мосты и людей, возвращавшихся к работе. Война могла уничтожить это за несколько дней. Он собрал бумаги. Плауэн подошёл к двери, чтобы проводить его.

— Завтра начнём новые расчёты.

— Какие?

— По гарнизонам. И по возможностям быстрого сбора войска.

Герхард поднял глаза.

— Великий магистр…

— Не беспокойся. Я ещё не собираюсь выступать.

Старый служащий склонил голову. Плауэн закрыл дверь. Он действительно не собирался начинать войну завтра.

Плауэн обернулся к столу, где в одной стопке лежали сведения о пограничных дорогах, в другой — просьбы об отсрочке сборов. Он передвинул первые к себе. Вторые оставил для завтрашнего рассмотрения.

На лестнице Герхард встретил младшего писаря с корзиной угля. Юноша уступил дорогу, и несколько чёрных крошек просыпалось на ступени. Герхард помог поднять их рукавицей, хотя спешил в канцелярию: там уже ждали новые ведомости. Отвечать за них предстояло обоим, магистру и ему, но решения всё чаще рождались в разных местах.

Утром Герхард придёт с расчётами. Плауэн не откажется их читать. Этого пока хватало, чтобы их разговор не оборвался.

Глава 4. Против своих

Мариенбург. Весна — осень 1413 года.

Весной в Мариенбурге особенно хорошо были слышны колокола.

Зимой звук терялся в сыром воздухе, глох между стенами и тяжёлыми крышами, а теперь разносился над Ногатом, достигал торговых пристаней, уходил за реку, к деревням и полям, где люди уже готовили землю под посев. По утрам вместе с колокольным звоном в замок проникали стук плотницких молотков, скрип подъёмных устройств, крики возчиков и запах свежего хлеба. После тяжёлых послевоенных лет в этих обыкновенных признаках жизни появилось что-то обнадёживающее.

Герхард замечал перемены раньше других. Складские книги постепенно переставали состоять из одних недостач. В графах поступлений снова появлялись значительные суммы. Из нескольких комтурств прислали сведения о восстановленных мельницах. Дороги становились проходимыми, по Ногату двигались суда с зерном и древесиной. У торговых пристаней спорили о пошлинах и разгрузке, а не о том, сколько людей придётся отправить на стены при приближении неприятеля.

Однако в канцелярии великого магистра воздух оставался тяжёлым.

Генрих фон Плауэн всё чаще требовал приносить ему не только хозяйственные ведомости, но и донесения о передвижениях польских и литовских отрядов, о настроениях в пограничных землях, о переговорах европейских государей. Рядом с договорами и денежными расчётами лежали карты, на которых были отмечены переправы, укреплённые пункты и направления возможного движения войск. Одни и те же дороги присутствовали сразу в нескольких книгах: для казначея они означали стоимость перевозок, для комтура — безопасность снабжения, для великого маршала — возможность провести вооружённых людей.

Плауэн предпочитал рассматривать их именно последним образом. В конце апреля он вызвал Герхарда и велел подготовить все материалы, относящиеся к спору о границах Жемайтии.

— Не только последние письма, — уточнил великий магистр. — Я хочу видеть основания, по которым наши земли пытаются объявить чужими.

Герхард знал, что вопрос станет болезненным ещё до поступления окончательных известий. Назначенный Сигизмундом арбитр Бенедикт Макра рассматривал границы между Пруссией и Жемайтией. Для Ордена это были не отвлечённые линии. От их положения зависели права на замки, пути сообщения и земли, которыми братья распоряжались в прежние годы.

— Подготовлю, — ответил он. — Но потребуется несколько дней.

— У тебя есть два.

Герхард посмотрел на лежавшие перед ним папки. В них находились грамоты, копии договоров, описания границ, свидетельства местных жителей и письма комтуров. Некоторые документы противоречили друг другу не потому, что один из них был подложным, а потому, что люди, подписывавшие их в разное время, по-разному представляли себе один и тот же участок земли.

— Тогда привлеку двух писарей, — сказал он.

— Привлеки четырёх.

Плауэн произнёс это без раздражения. Он не хотел невозможного ради проверки чужого повиновения. Просто считал, что потерянное время может стать потерянной землёй. Герхард поклонился и ушёл.

В коридоре он встретил Маттиаса фон Розенберга, который возвращался из конюшенного двора. Раненый брат всё ещё немного наклонял голову, прислушиваясь к собеседнику правым ухом, но двигался гораздо увереннее, чем после освобождения из плена.

— Нужна помощь? — спросил Маттиас, увидев папки.

— Если не боишься карт.

— После ваших обозных расчётов я боюсь только людей, которые уверены, что все дороги одинаковы.

Герхард впервые за утро улыбнулся. Они прошли в канцелярию и начали работу.

Известие о решении Бенедикта Макры поступило в Мариенбург в начале мая.

Герхард принёс его великому магистру утром. Плауэн ещё не закончил завтракать. На столе лежало письмо из одного пограничного комтурства, которое он читал, не обращая внимания на остывшую пищу.

— Это касается арбитража, — сказал Герхард.

Генрих сразу отложил прежний документ. Он прочитал сообщение один раз, затем второй. Его лицо почти не изменилось, но рука, державшая пергамент, медленно опустилась на стол.

Арбитр занял позицию, которую в Мариенбурге сочли неприемлемой. Спор о правобережье Немана и Мемеле затрагивал владения и пути, имевшие для Ордена военное и хозяйственное значение. Признать подобные притязания означало, с точки зрения Плауэна, допустить дальнейшее ослабление границ, и без того переживших тяжёлые испытания.

— Он видел эти земли? — спросил великий магистр.

Герхард объяснил, какими свидетельствами располагала комиссия.

— Я спрашиваю, видел ли сам.

— Об этом нет достаточно ясных сведений.

Плауэн поднялся.

— Значит, судьбу наших границ решают на основании чужих слов.

— Обе стороны представляли свои доводы.

— Я знаю, как представляют доводы люди Витовта.

Герхард промолчал.

Генрих прошёл к карте и указал на Мемель.

— Посмотри. Если принять такую линию, что останется от наших прежних прав?

— Мы можем оспаривать выводы арбитра.

— И будем.

— Потребуется дипломатическое обращение.

— Подготовь.

Он повернулся к окну, затем снова к столу.

— И отправь великому маршалу копию. Пусть скажет, как подобное решение отразится на обороне.

Герхард записал приказ.

Его тревожило не само требование оценить положение границы. Это было разумно. Гораздо больше его беспокоило то, что в последние месяцы всякий политический спор почти немедленно превращался в обсуждение военной готовности.

Великий магистр теперь редко спрашивал, чего удастся добиться одними переговорами. Чаще — сколько времени потребуется, чтобы укрепить замки, собрать людей и обеспечить их продовольствием. При этом открытого намерения начать войну он ещё не объявлял.

Пока.

Когда Михаэль Кюхмайстер ознакомился с известиями из Мариенбурга, он находился в Кёнигсберге.

Великий маршал только что вернулся из объезда нескольких крепостей. Его сапоги ещё не успели просохнуть, а на стол уже положили новые донесения. Одни касались пограничного населения, другие — состояния дорог, третьи сообщали об убытках, причинённых мелкими столкновениями и взаимными задержаниями людей.

Он внимательно прочитал решение по жемайтскому вопросу, затем приказ Плауэна оценить военные последствия.

Сама необходимость такой оценки не вызывала у него сомнений. После Грюнвальда Орден не мог позволить себе небрежность в пограничных делах. Но Кюхмайстер помнил и другую сторону войны. Он видел людей, возвращавшихся из плена, замки, где приходилось заменять погибших братьев, гарнизоны, которые числились сильными лишь до первой проверки.

Он вызвал местного казначея.

— Сколько продовольствия можем собрать без новых чрезвычайных повинностей?

Казначей назвал приблизительный объём.

— А если понадобится содержать войско два месяца?

Человек задумался.

— Тогда придётся требовать дополнительные поставки.

— За деньги?

— Если деньги будут.

Кюхмайстер посмотрел на него.

— Значит, без них.

Казначей не ответил.

Маршал отпустил его и продолжил расчёты. Он привык считать не только количество людей, но и то, сколько лошадей смогут дойти до места сосредоточения, сколько повозок понадобится для хлеба, что произойдёт, если противник разрушит мост или заставит изменить направление движения.

Теперь на каждом шаге возникал вопрос о средствах.

Через несколько дней Кюхмайстер направил великому магистру ответ. Он изложил возможные угрозы, указал наиболее важные крепости, предложил усилить наблюдение за пограничными дорогами и заранее проверить запасы. Но в конце добавил, что Ордену необходимо избегать действий, способных превратить дипломатический спор в большую войну, пока восстановление государства не завершено.

Он долго думал над последней фразой. Потом оставил её.

В июне Плауэн собрал высших сановников для обсуждения положения на границах.

День стоял жаркий. В зале, где проходило совещание, открыли окна, однако воздух почти не двигался. За стенами гудели насекомые, с нижнего двора доносился стук колёс. Один из братьев вытирал пот со лба, стараясь делать это незаметно.

Плауэн начал с известий о переговорах, затем перешёл к границам и военной готовности. Он говорил спокойно, не повышая голоса, но по тому, как тщательно были подготовлены карты и расчёты, присутствующие понимали: великий магистр давно обдумывал всё, что собирался предложить.

Он считал, что положение Ордена становится опасным. Польша и Литва обладали значительными силами, спорные вопросы не были разрешены, а уступки последних лет лишь усиливали уверенность противников. Если Орден продолжит отвечать на каждое требование новой жалобой европейским посредникам, его права постепенно утратят значение.

— Мы обязаны показать, что способны защищать то, что осталось, — сказал Плауэн.

Герман Ганс попросил уточнить, какие именно меры предполагаются.

— Не только укрепление замков, — ответил великий магистр. — Нужно быть готовыми действовать прежде, чем противник соберёт силы у наших границ.

Несколько братьев переглянулись. Кюхмайстер, сидевший у противоположного конца стола, спросил:

— Вы предлагаете подготовить войско к наступлению?

— Предлагаю не исключать такой возможности.

— Тогда необходимо знать, чего мы собираемся добиться.

Плауэн указал на карту.

— Прежде всего безопасности границ и уважения наших прав.

— Это политические цели. Для военного похода нужны определённые условия: направление, срок, численность противника, возможность снабжения.

— Потому я и потребовал расчёты.

Маршал открыл принесённую ведомость.

Он не собирался демонстративно возражать великому магистру. Напротив, подробно объяснил, что Орден может выставить достаточно сил для укрепления границы и ограниченных действий, но продолжительная кампания потребует расходов, которые нынешняя казна не выдержит без новых займов и повинностей.

— А если промедление позволит Ягайло и Витовту собрать войско больше нашего? — спросил Плауэн.

— Это возможно, — ответил Кюхмайстер. — Но если мы начнём войну первыми, они получат основание объединить силы без прежних колебаний.

Генрих поднял глаза.

— Они уже объединяли их.

— И мы помним последствия.

Слова прозвучали спокойно. В зале стало тихо.

Плауэн не любил, когда Грюнвальд превращали в довод против всякого решительного действия. Он не считал, что трагедия одного сражения лишила Орден права пользоваться военной силой. Скорее наоборот: поражение показало необходимость выбирать обстоятельства столкновения самому, а не ждать, пока противник навяжет их.

— Именно поэтому нельзя снова предоставить им время и место, — сказал он.

Ганс вмешался, прежде чем разговор стал резче. Он предложил отдельно обсудить дипломатические меры и состояние войск. Несколько братьев поддержали его. Плауэн согласился, но не отказался от своего намерения. Совещание закончилось без общего решения.

Когда участники разошлись, Герхард ещё некоторое время собирал бумаги. В протоколе предстояло изложить разногласия так, чтобы не превращать обычное обсуждение в свидетельство раскола. Он перечитал несколько строк и заметил, что в них слишком часто повторяется слово «согласились».

На самом деле согласия было меньше. Герхард зачеркнул неудачную формулировку и написал точнее.

Хеннинг Брант почувствовал приближение новой опасности не по политическим письмам, а по ценам.

Сначала подорожало железо. Затем торговые партнёры стали спрашивать, не собирается ли Орден закупать дополнительные запасы зерна. Один из перевозчиков потребовал увеличить плату за дальние поездки, потому что ожидал реквизиций лошадей. На пристанях заговорили о новых военных заказах.

Сами по себе подобные признаки не доказывали намерения начать войну. Хеннинг прекрасно это понимал.

После Грюнвальда Орден ещё долго будет нуждаться в вооружении, ремонте и запасах. Однако купец знал и то, как быстро слух о военных приготовлениях влияет на торговлю. Вла-

дельцы зерна придерживали товар, надеясь продать дороже. Кредиторы становились осторожнее. Люди, ещё недавно соглашавшиеся ждать оплаты, теперь требовали денег заранее.

Однажды Маттиас положил на стол договор, по которому поставщик отказывался от прежней цены.

— Почему?

— Говорит, что железо покупают для замков.

— Для каких?

— Не сказал.

Хеннинг раздражённо отодвинул бумагу.

— Разумеется.

Он прошёл по складу. Вдоль стен лежали мешки с зерном, бочки с солью, связки железных прутьев. Всё это было товаром, который должен приносить прибыль. Но если начнётся война, склад снова может оказаться источником принудительных поставок, а корабли — средствами перевозки военных грузов.

Купец остановился возле новых ворот. Они ещё пахли смолой.

Он вспомнил обгорелые балки прежнего склада в Мариенбурге и неожиданно почувствовал злость. Не на Плауэна, не на польского короля и даже не на поставщика железа. На то, что люди, едва начавшие восстанавливать жизнь, опять вынуждены решать, сколько могут позволить себе потерять.

Вечером он написал Герхарду. Просил сообщить, действительно ли ожидается новая кампания, и предупреждал, что купцы уже начинают менять условия сделок. Письмо получилось более резким, чем он намеревался. Хеннинг перечитал его и ничего не исправил.

В августе Герхард получил несколько документов, которые заставили его впервые всерьёз усомниться в том, что великий магистр ограничится военными приготовлениями.

Плауэн обращался к союзникам и возможным помощникам. В письмах говорилось о тревожном положении Пруссии, угрозах со стороны Польши и Литвы, необходимости поддержать Орден. В одном из обращений упоминались наёмники, направлявшиеся в Пруссию через чужие владения.

Герхард видел, что речь идёт уже не о простом восстановлении крепостей. Он принёс документы великому магистру.

— Нужно уточнить сроки, — сказал Плауэн, не поднимая головы.

— Для прибытия людей?

— Да.

— И для оплаты?

Генрих посмотрел на него.

— Разумеется.

Герхард сел.

— Казначей ещё не подтвердил средства на уже принятые обязательства.

— Часть денег поступит осенью.

— Если урожай будет хорошим и города выполнят обещанное.

Плауэн отложил перо.

— Я знаю этот перечень условий.

— Тогда почему мы принимаем новые?

Генрих некоторое время смотрел на старого служащего.

Вопрос был задан без вызова. Герхард не пытался спорить о политическом курсе. Он хотел понять, каким образом выполнить распоряжения, которые уже начали приобретать форму денежных обязательств.

— Потому что противник не станет ждать, пока мы получим всё до последнего гроша, — ответил великий магистр.

— Но наёмники тоже не станут.

— Значит, нужно распределить платежи.

Герхард хотел возразить, но остановился. Плауэн заметил это.

— Говори.

— Я опасаюсь не того, что мы не сумеем собрать войско. Я опасаюсь, что сумеем его собрать, но не сможем долго содержать.

Великий магистр поднялся.

— Ты видел, как мы удержали Мариенбург с меньшими силами, чем имел противник.

— Видел.

— Тогда должен понимать значение своевременного действия.

— Понимаю. Но замок не нужно было кормить в дороге.

Плауэн медленно повернулся.

На мгновение Герхарду показалось, что он зашёл слишком далеко. Однако великий магистр не рассердился. Он подошёл к карте и несколько секунд рассматривал дороги к польской границе.

— Я не собираюсь вести войну годами, — сказал он.

Герхард не ответил.

Он слышал подобные слова от военачальников и прежде. Никто не желал долгой войны. Но продолжительность определялась не только намерениями той стороны, которая её начинала.

— Подготовь расчёт, — приказал Плауэн. — Отдельно на месяц и на два. Я хочу знать предел наших возможностей.

Герхард поклонился.

Выходя, он понял, что великий магистр уже рассматривает войну не как далёкую опасность, а как дело, требующее окончательной подготовки.

Михаэль Кюхмайстер получил новые приказы в Кёнигсберге.

Они были подробны. Требовалось привести людей в готовность, уточнить расположение подразделений, обеспечить движение к назначенным местам и проверить сроки, в которые отдельные отряды смогут выступить. Маршал созвал подчинённых.

Его помощник разложил карту на столе. Комтуры и командиры подходили по очереди, сообщая состояние своих сил. Один уверял, что готов выступить немедленно, но после нескольких вопросов признал нехватку обозных лошадей. Другой имел достаточно людей, однако часть их должна была остаться в замке. Третий сообщал о задержке жалованья наёмникам.

Кюхмайстер записывал всё.

Он не спорил с подчинёнными, если те указывали реальные ограничения. Но резко останавливал тех, кто пытался заменить точный ответ обещанием.

— Мне не нужно слышать, что вы постараетесь, — сказал он одному из командиров. — Сколько людей придёт к назначенному месту и в какой день?

Тот назвал число.

— Теперь скажи, сколько из них имеют исправных коней.

Ответ оказался менее уверенным. Маршал велел проверить. После совещания он остался в комнате вместе с одним из старших братьев.

— Выступаем? — спросил тот.

— Если поступит окончательный приказ.

— Против Польши?

Кюхмайстер посмотрел на карту.

— Подготовка ведётся для нескольких направлений.

— Значит, не только оборона.

Маршал не ответил. Брат помолчал, затем произнёс:

— Люди боятся, что всё повторится.

— Что именно?

— Большая война. Сборы. Потери. Новые долги.

Кюхмайстер сложил документы.

— А если Польша выступит первой, они будут бояться меньше?

— Нет.

— Тогда нам нужна готовность.

— Но не обязательно война.

Маршал поднял глаза. Слова точно выражали его собственное положение.

Он уже давно считал, что Ордену необходимо восстановить военную силу. Но не мог согласиться, что из этого следует необходимость немедленного наступления. Каждый год мира давал Пруссии возможность вернуть часть прежних доходов. Каждая новая кампания грозила уничтожить достигнутое.

Он отпустил брата и сел за письмо великому магистру.

Писал долго.

Излагал состояние войск, указывал на затруднения со снабжением и подчёркивал необходимость тщательно оценить политические последствия первого удара. Когда письмо было готово, он перечитал его несколько раз. В конце стояла фраза, которую он не решался оставить:

«Нынешнее положение государства не позволяет начинать войну без согласия главных сановников и уверенности в возможности её завершить».

Он задумался. Затем переписал письмо начисто, сохранив смысл.

Плауэн прочитал ответ маршала вечером. Герхард находился рядом и видел, как постепенно меняется выражение лица великого магистра. Сначала Генрих читал спокойно. Потом стал возвращаться к уже пройденным строкам. Наконец положил письмо на стол.

— Михаэль требует согласия сановников.

Герхард не ответил.

— С каких пор великий маршал решает, когда великий магистр имеет право защищать государство?

— Он говорит о возможности большой войны.

— Я умею читать.

Генрих поднялся.

— Он не отказывает в исполнении приказа, — осторожно заметил Герхард.

— Пока.

Слово прозвучало резко. Плауэн прошёл по комнате.

— Я поручил ему подготовить войска. Он присылает рассуждения о том, следует ли их использовать.

— Для маршала это часть обязанности.

Великий магистр остановился.

— Ты тоже считаешь, что я неправ?

Герхард долго молчал. Он понимал, что любой прямой ответ будет воспринят как присоединение к одной из сторон. Но уклониться от вопроса уже не мог.

— Я считаю, что решение о новой войне должно быть принято после того, как мы узнаем, сколько она действительно потребует.

— Мы знаем.

— Знаем стоимость подготовки. Не стоимость войны.

Генрих посмотрел на него с раздражением.

— Её невозможно узнать заранее.

— Именно.

Великий магистр отвернулся. Несколько минут они молчали.

Затем Плауэн вернулся к столу и велел подготовить ответ маршалу. Приказ о готовности войск оставался в силе. Сроки и направления предстояло уточнить. От Кюхмайстера требовалось исполнение распоряжений, а не обсуждение политического курса.

Герхард записал всё без возражений. Но в тот вечер впервые почувствовал, что письмо, которое он готовит, может оказаться важнее многих военных распоряжений. Оно адресовалось не противнику. Оно должно было заставить подчиниться одного из самых опытных людей Ордена.

В начале сентября на прусских дорогах стали появляться вооружённые отряды.

Не все двигались в одном направлении. Одни собирались у западных границ, другие — на юге. Часть войск оставалась в готовности возле собственных замков. Наёмники прибывали небольшими группами, иногда с задержками. Комтуры торопили поставщиков, кузнецы работали дольше обычного, на складах требовали сверить запасы.

Для тех, кто не видел военных приказов, происходящее выглядело тревожно.

Миколай Краузе встретил первый отряд возле деревни, когда возвращался с поля. Всадники двигались по дороге, за ними шло несколько повозок с оружием и припасами. Люди были усталыми, но держались в порядке. Один из командиров остановился у колодца и попросил воды.

Миколай помог напоить лошадей. Он не спрашивал, куда идут солдаты, пока один из них сам не заговорил о близкой границе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.